

Левъ Тихомировъ.

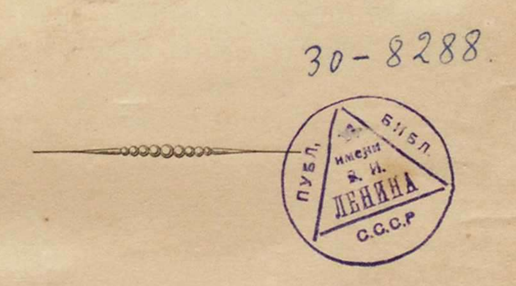
ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ.

МОСКВА.

1896.

Левъ Тихомировъ.

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ.

Москва.
Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, соб. домъ.
1895.

Дозволено Цензурою, Москва, 7 Сентября 1895 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижепомѣщаемое объясненіе мое по вопросу, *почему я пересталъ быть революціонеромъ*,— было не только написано, но даже опубликовано уже довольно давно, въ 1888 году *). Къ сожалѣнію, это изданіе имѣло весьма печальную судьбу. Нѣкоторыя отдѣльныя мѣста брошюры вызвали недопущеніе ея продажи въ Россіи. Личныя обстоятельства, чрезвычайно затруднившія для меня почти на два года ли-

---

*) Въ Парижѣ, у издателя Albert Savine, тогдашняго собственника *Nouvelle Librairie Parisienne*, брошюрою *Pourquoi je ne suis plus revolutionnaire* (на русскомъ языкѣ).

тературную дѣятельность, помѣшали мнѣ принять своевременно какія-либо мѣры для исправленія брошюры, а потомъ мнѣ казалось уже поздно хлопотать о ней... Такъ она и осталась неизвѣстною русской публикѣ. Я даже не предполагалъ чтобы она, вызвавъ противъ меня цѣлую бурю за границей, могла остаться до такой степени неизвѣстною, какъ въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться черезъ 2 — 3 года.

Однако, нѣсколько стороннихъ запросовъ, и особенно любезное предложеніе редактора *Московскихъ Вѣдомостей* *)—побуждаютъ меня те-

---

*) Печатая эти страницы, редакція *Моск. Вѣдомостей*— помѣстила слѣдующее примѣчаніе. „Объясненіе г. Л. Тихомирова, опубликованное за границей въ 1888 году, осталось въ свое время совершенно неизвѣстнымъ русской читающей публикѣ. Между тѣмъ оно въ *настоящее время*, послѣ того перелома, который русская общественная мысль пережила за незабвенное царствованіе Императора Александра Александровича,—едва ли не болѣе своевременно чѣмъ было въ 1888 году. Въ виду этого редакція *Моск. Вѣд.* предложила г. Тихомирову ознакомить читателей съ высказанными имъ тогда соображе-

перь сдѣлать то, чего обстоятельства не допустили нѣсколько лѣтъ назадъ, то-есть опубликовать въ пересмотрѣнномъ видѣ это объясненіе, которое, будучи моимъ личнымъ, кажется, далеко не лишено общаго значенія. Само-собою разумѣется, что я исправляю всѣ мѣста, признанныя въ 1888 году неудобными. Но засимъ все остальное, то-есть, другими словами, все существо моего объясненія, я оставляю въ подлинности, какъ оно было. Конечно, въ интересахъ проповѣди своихъ идей, я могъ бы многое здѣсь дополнить и развить. Но мое объясненіе имѣло личное, документальное для меня значеніе, и я не хочу какими-нибудь дополненіями давать поводъ къ упреку, будто бы я выставляю себя теперь хотя бы нѣсколько инымъ, нежели былъ. Въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго и нѣтъ. Не говорю уже о томъ, что меня трудно обвинить въ боязни быть самимъ собой. Но сверхъ того 1888 годъ былъ моментомъ, когда окончательно со-

---

ніями“. Воспользовавшись этимъ приглашеніемъ, я далъ публикуемыя объясненія для №№ 217, 224, 231 и 238 *Моск. Вѣд.* текущаго 1895 года *Л. Т.*

зрѣло міросозерцаніе, опредѣлившее всю мою послѣдующую литературную дѣятельность, и потомъ болѣе развитое мною въ *Началахъ и Концахъ* (1890 г.), *Соціальныхъ миражахъ* (1892 г.), *Борьбѣ вѣка* (1895 г.) и рядѣ другихъ статей.

Всѣ основы этого міросозерцанія не трудно видѣть въ нижеслѣдующемъ объясненіи 1888 года. Но я могу безъ ложнаго стыда сознаться, что выработка этого міросозерцанія не легко мнѣ далась. Не мало времени потребовалось для того, чтобы предо мной уяснились его частности. Это было неизбѣжно по самой исторіи его развитія.

Съ ранней юности я усвоилъ себѣ совсѣмъ иное міросозерцаніе, которое тогда господствовало въ „прогрессивныхъ" слояхъ русскаго общества. Какъ и всѣ, я воспринялъ эти взгляды еще тогда, когда не имѣлъ никакихъ самостоятельныхъ наблюденій жизни, никакой самостоятельной критики, да не имѣлъ еще и достаточно созрѣвшаго для работы ума. Имѣя нѣкоторую способность писать, я, какъ огромное большинство и по нынѣ дѣйствующихъ либеральныхъ и радикальныхъ писателей, много лѣтъ оставался компиляторомъ чужихъ мы-

слей, воспринятыхъ на вѣру, усвоенныхъ потому что *всѣ* такъ думаютъ, всѣ такъ пишутъ въ цѣлой массѣ историческихъ, экономическихъ и т. п. сочиненій. Какъ и всѣ зараженные этимъ „прогрессивнымъ“ міросозерцаніемъ, я узналъ жизнь сначала по книгамъ. Ненормальное господство книги, нужно сознаться, составляетъ нынче большое зло. Количество фактовъ, лично наблюдаемыхъ, количество ощущеній, непосредственно переживаемыхъ, почти у всѣхъ теперь ничтожно мало въ сравненіи съ тѣмъ что воспринимается изъ ненормально раздутаго чтенія. Эти книжныя „знанія“ и „ощущенія“ держали много лѣтъ и меня въ своей власти.

Лишь благодаря особымъ условіямъ своей жизни, чуть не насильно заставившей меня непосредственно наблюдать факты человѣческихъ отношеній, а потому непосредственно переживать и тѣ дѣйствительныя ощущенія, которыя ими пораждаются, я началъ мало-помалу критически относиться къ ходячимъ взглядамъ прогрессистовъ. Моя критика, будучи какъ бы невольною уступкой явно кричащему факту, шла такимъ образомъ отъ *конкрета* къ общему выводу. Это былъ путь медленный

и тяжелый; каждая ступень его обходилась мнѣ дорого, тѣмъ болѣе что я работалъ въ одиночку и не скоро засвѣтилась передо мной *общая* идея, вознаградившая мое сознаніе за рядъ потерь и разочарованій. Развиваясь отъ частнаго къ общему, моя мысль прежде всего принуждена была отбросить явную ничтожность идей чисто революціонныхъ, захватывая потомъ все болѣе широкими радіусами все большую область „прогрессивнаго“ міросозерцанія. Но гдѣ остановиться? До какихъ предѣловъ простирается въ этой области несомнѣнная ложь, и гдѣ, быть-можетъ, начинается хотя бы относительная правда,—это не сразу уяснилось мнѣ. Въ этомъ отношеніи 1888 годъ для меня составляетъ эпоху, моментъ окончательнаго переворота.

Причины, по которымъ я выпустилъ въ 1888 г. настоящую брошюру, излагались въ ея предисловіи, но для современной публики требуютъ уже болѣе подробнаго изложенія. Дѣло въ томъ что мои давнія старанія уничтожить въ средѣ революціонеровъ „террористическую“ идею оставались совершенно неуспѣшными. Напротивъ, къ 1888 году эта безнравственная и нелѣпая идея стала проявляться съ усилен-

ною настойчивостью. Въ виду этого я счелъ необходимымъ выступить противъ нея возможно болѣе рѣшительно. Первый случай для этого дало мнѣ новое изданіе книги моей *La Russie politique et sociale*, очень замѣченной за границей и—какъ мнѣ было извѣстно—среди русскихъ радикальныхъ элементовъ. Собственно говоря—книга эта, по моимъ тогдашнимъ взглядамъ, требовала большой передѣлки. Но на это я не имѣлъ возможности. Издатель, заказавшій клише, не соглашался на новый наборъ, и предоставилъ въ мое распоряженіе только *предисловіе*.

Предисловіемъ я и воспользовался, чтобъ обрисовать слабость революціонной идеи. Кстати, мнѣ требовалось отвѣтить на нѣкоторыя замѣчанія критики и, кажется, нѣкоторыя стороны моего отвѣта понынѣ не утратили своего значенія для извѣстной доли нашей интеллигенціи.

Вотъ что писалъ я въ этомъ мѣстѣ предисловія, начавъ съ замѣчанія лондонскаго журнала *Atheneum*:

„Англійскій журналъ, въ статьѣ, столь впрочемъ лестной для меня, выражаетъ мысль, что

преувеличенныя требованія *) русской интеллигенціи лишь замедляютъ развитіе свободы. Мнѣ кажется что это мнѣніе основано на неясномъ пониманіи дѣйствительности.

„Я полагаю что вовсе не широта или узость требованій приводятъ къ безсилію русское либеральное движеніе. Настоящая причина безсилія нашихъ политическихъ программъ состоитъ въ томъ что онѣ слишкомъ теоретичны, слишкомъ мало національны, слишкомъ мало сообразованы съ условіями нашей страны. Не окрѣпшая культура нашего отечества еще не имѣла времени накопить достаточное количество политическихъ и соціальныхъ наблюденій, почерпнутыхъ изъ жизни самой страны.

„Человѣкъ нашей интеллигенціи формируетъ свой умъ преимущественно по иностраннымъ книгамъ. Онъ такимъ образомъ создаетъ себѣ міровоззрѣніе чисто дедуктивное, построеніе чисто логическое, гдѣ все очень стройно, кромѣ основанія—совершенно слабаго. Благодаря міросозерцанію такого происхожденія у

---

*) О которыхъ я говорю въ книгѣ.

насъ люди становятся способны упорно требовать осуществленія неосуществимаго или даже не имѣющаго серіознаго значенія, а въ то же время оставлять въ пренебреженіи условія капитальной важности.

„При императорѣ Николаѣ I правительство предприняло переустройство государственныхъ крестьянъ. Императоръ очень удачно выбралъ исполнителя своей мысли, графа Киселева, одного изъ величайшихъ государственныхъ людей, какихъ когда-либо рождала Россія. Такимъ образомъ создана была одна изъ замѣчательнѣйшихъ соціальныхъ организацій нашей исторіи. Земли, пространствомъ въ цѣлую Европу, были объединены въ рукахъ государства, крестьяне обильно надѣлены, система переселеній давала исходъ новымъ поколѣніямъ земледѣльческаго класса; создана замѣчательная система народнаго продовольствія для борьбы съ неурожаями; улучшеніе земледѣльческой культуры у 20 милліоновъ крестьянъ стало предметомъ обязательной и сознательной работы Министерства. Сверхъ того, крестьяне лично были свободны, а ихъ общины управлялись ихъ же избранниками. Черезъ два

десятка лѣтъ усилій эта обширная организація была, наконецъ, поставлена на ноги.

„Наступаетъ 1861 годъ. Александръ II предпринимаетъ освобожденіе крѣпостныхъ. Положеніе государственныхъ крестьянъ было тогда болѣе чѣмъ удовлетворительно. Ихъ культура дѣлала успѣхи, они правильно вносили подати, ихъ прежняя наклонность къ бунтамъ исчезла или заглохла. Что было проще, какъ подражать столь счастливому примѣру и только расширить рамки уже созданной организаціи? Но что же выбрали въ дѣйствительности? Съ 1858 по 1861 годъ наговорено было безчисленное множество фразъ, начиная отъ свободы и кончая соціализмомъ, и для чего же? Чтобы кончить дезорганизаторскою реформой 19 февраля".

Послѣ этого историческаго образчика того, что наши предпріятія далеко не всегда страдаютъ отъ чрезмѣрной *широты* требованій, такъ какъ въ данномъ случаѣ люди 1856—61 годовъ оказались именно неспособными охватить широту идеи „николаевскихъ" временъ, я продолжаю:

„Итакъ,—не суженіе точекъ зрѣнія нужно намъ, а пріобрѣтаніе *большей зрѣлости*. Нуж-

но отдѣлаться отъ того дѣтскаго примитивнаго воображенія, которое наслаждается фейерверками трескучихъ фразъ. Нужно пріобрѣсти воображеніе зрѣлаго, развитаго человѣка, которое любитъ прочное сооруженіе изъ незыблемыхъ фактовъ дѣйствительности. Другими словами это значитъ, что нужно возможно скорѣе и шире развить цивилизацію и науку, особливо же изученіе своей страны и народа. Нужно стать способными самостоятельно пролагать свою дорогу и тогда—никакая широта желаній не повредитъ".

Послѣ этого общаго разсужденія, я перешелъ къ вопросу о „революціонныхъ крайностяхъ", въ которыхъ основная узость мысли доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, особенно въ *терроризмѣ*.

„Не буду, говорю я, касаться нравственной стороны подобной системы дѣйствій, хотя предвижу серіозныя опасности, которыя въ нравственномъ отношеніи можетъ породить привычка рѣшать вопросъ о жизни человѣческаго существа, основываясь только на собственномъ личномъ усмотрѣніи. Но дѣло не въ томъ. Ограничиваясь даже разборомъ вопроса *политическаго*, и съ этой точки зрѣнія террорис-

тическую идею должно признать абсолютно ложною.

„Одно изъ двухъ: или имѣются силы ниспровергнуть данный режимъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ надобности въ политическихъ убійствахъ, во второмъ они ни къ чему не приведутъ. Мысль запугать какое-нибудь правительство, не имѣя силы его низвергнуть,— совершенно химерична: правительствъ, настолько несообразительныхъ, не бываетъ на свѣтѣ. Что касается страха смерти,—то личной безопасности нѣтъ и на войнѣ, а много ли генераловъ сдавались собственно изъ-за этого?

„Или ненуженъ, или безсиленъ: вотъ единственная диллема для *терроризма,* какъ системы политической борьбы. Не говорю уже объ опасности порождаемой воспитаніемъ ума, для котораго великіе соціальные вопросы постоянно заслоняются принижающими стычками съ сыщиками...

„Боюсь что уже и сказываются послѣдствія этого приниженія. Какъ много вижу я людей, не ожидающихъ ничего великаго отъ будущаго Россіи, ничего кромѣ какого-нибудь парламента, кое-какихъ вольностей, и—для дости-

женія этихъ пустячковъ они возлагаютъ свои надежды не убійства да мѣры насилія...

„На мой взглядъ все ложно въ этой прискорбной оцѣнкѣ положенія вещей. Ложенъ, вопервыхъ, ея пессимизмъ, потому что если есть страна отъ которой можно ожидать пышнаго развитія своеобразной культуры, — то это конечно Россія. Вовторыхъ, надежды на политическія убійства обличаютъ полное непониманіе законовъ общественности. Кинжалъ и динамитъ способны только запутывать всякое положеніе. Распутать его способны лишь *идеи* здоровыя, положительныя, умѣющія указать Россіи дорогу не для пролитія крови, а для развитія силы. Нужно имѣть идею созидательную, идею соціальнаго творчества. Только тогда стоитъ толковать о политическихъ вольностяхъ".

Вотъ собственно каковъ былъ краткій рядъ размышленій, который вызвалъ противъ меня страстный походъ революціонеровъ, не стѣснявшихся ничѣмъ чтобы меня уничтожить. Ихъ особенно возмущало, какъ я осмѣлился открыто заявить объ измѣненіи своихъ взглядовъ. „Развѣ вы не могли молчать", слышалъ я со всѣхъ сторонъ. Я отвѣчалъ брошюрой

Почему я пересталъ быть революціонеромъ, которую и воспроизвожу въ подлинности на ниже слѣдующихъ страницахъ.

Эта брошюра имѣла два приложенія, которыхъ содержаніе, съ дополнительными объясненіями, я *излагаю* теперь въ *приложеніи № 1*.

Сверхъ того помѣщаю въ *приложеніи № 2* свой отвѣтъ на возбужденную противъ меня полемику эмигрантовъ, такъ какъ этотъ отвѣтъ составляетъ естественное дополненіе къ брошюрѣ 1888 года. Онъ былъ напечатанъ въ *Моск. Вѣд.* въ 1889 году.

2 Сентября 1895 г.

Л. Тихомировъ.

Почему я пересталъ быть революціонеромъ.

(Исправленный текстъ 1888 года).

I.

Если бы мой скептицизмъ, въ отношеніи различныхъ основъ нашего революціоннаго міросозерцанія не пробудился уже давно, то онъ конечно былъ бы пробужденъ теперь, когда я въ такихъ рѣзкихъ формахъ наблюдаю легкость и быстроту, съ которой революціонныя направленія закостенѣваютъ до полнаго староверія. Всякое явленіе, разумѣется, кончаетъ смертью, а передъ тѣмъ переживаетъ

періодъ старчества, минерализаціи. Но доходить до него такъ быстро, еще ничего не сдѣлавши, даже не выйдя изъ хаоса внутреннихъ противорѣчій, словомъ не сложившись еще даже—это безъ сомнѣнію показываетъ крайнюю скудость жизненныхъ силъ въ самомъ зародышѣ явленія. Я наблюдаю такую картину на отдѣльныхъ примѣрахъ, но они мнѣ напоминаютъ многочисленныя аналогіи.

Моя увѣренность, что я стою теперь на вѣрномъ пути, только возрастаетъ, когда я прислушиваюсь къ упрекамъ, раздающимся противъ меня и наблюдаю дѣйствія, о которыхъ полезнѣе будетъ поговорить когда нибудь посмертно, на страницахъ тогдашней „Русской Старины“.

Меня упрекаютъ въ тысячѣ вещей: почему я не говорилъ, почему не молчалъ, почему не подождалъ, почему бросилъ партію, и т. д. Отвѣчать на большинство этихъ упрековъ — не имѣетъ смысла, потому что въ нихъ сказывается просто различіе точекъ зрѣнія на нравственныя права и обязанности человѣка. Замѣчу только, что въ этомъ отношеніи я собственно нисколько не измѣнился, и смотрю

также, какъ смотрѣлъ всегда. Есть однако кое-что, требующее отвѣта.

Меня упрекаютъ: почему я не молчалъ? Мнѣ говорятъ: вы должны молчать... Я знаю, это обычное явленіе: многіе, достигшіе нѣкотораго опыта и возраста, перестаютъ вѣрить въ свои прежнія основы и мечты, — но молчатъ! Они не дѣлятся опытомъ съ молодежью, замѣчая: „зачѣмъ разочаровывать? самъ ничего не дѣлаешь,—не мѣшай другимъ“! Есть и такіе, у которыхъ причина вѣрности старому заключается во внутреннемъ крикѣ сожалѣнія о погибшей жизни: „какъ неужели эти 5 или 10 лѣтъ были ошибкой, за что же уложилъ я столько силъ, за что отказался отъ того то и того то... не можетъ быть!“ Глубоко трагично это положеніе, оно не можетъ не возбуждать жалости. Но сознавая причины малодушія и даже лично прощая его, нельзя забывать и того, что оно несетъ тяжелую отвѣтственность за гибель молодыхъ силъ, за безплодность нашихъ „движеній“. Я считаю обязанностью поступить иначе. Когда я вѣрилъ что да, я говорилъ—да, когда думаю что нѣтъ, я и говорю—нѣтъ. Я писалъ программы въ двадцать лѣтъ, теперь, когда мнѣ почти сорокъ—я былъ

бы весьма плохаго о себѣ мнѣнія, если бы побоялся своихъ двадцатилѣтнихъ сочиненій или не умѣлъ сказать ничего умнѣе ихъ. Послушаетъ ли кто нибудь меня—это вопросъ иной, но обязанность моя совершенно ясна.

По поводу упрековъ за мое отношеніе къ такъ-называемой „партіи народной воли", я также желаю разъ навсегда установить факты, чтобы не оставлять мѣста ни клеветѣ ни ошибкѣ. *)

Есть два рода обязанностей: нравственныя, предписывающія дѣлать то, что указываетъ наша совѣсть, и формальныя, предписывающія исполнять то, что обязался исполнять. Подчиняя ихъ конечно нравственнымъ, тѣмъ не менѣе я вполнѣ признаю и формальныя обязанности. Но дѣло въ томъ что по отношенію къ бывшей партіи „народной воли" меня нельзя упрекнуть въ нарушеніи даже формальныхъ обязанностей. Я поддерживалъ ее гораздо дольше, чѣмъ позволялъ здравый смыслъ, мои

*) Меня упрекали въ томъ, будто бы я покинулъ ихъ „партію", тогда какъ я собственно въ „партіи" *того времени* и не состоялъ сколько-нибудь обязательно. Л. Т.

убѣжденія и мои обязанности передъ родиной.

Когда-то я привѣтствовалъ появленіе этой партіи, я ей отдалъ всѣ силы. Я тогда еще былъ революціонеромъ, но уже понималъ необходимость созиданія, безъ котораго не бываетъ здоровыхъ движеній. Въ новомъ движеніи мнѣ чудилось нѣчто созидательное, элементы котораго я старался къ нему прививать, по мѣрѣ своего пониманія. Такъ, вѣрой и правдой, по совѣсти и убѣжденію, прослужилъ я—почти до конца 1880 года. Тутъ я—и не я одинъ—сталъ чувствовать что въ этомъ движеніи нѣтъ творящей силы. 1881 годъ я пережилъ весь уже съ чисто формальной „вѣрностью знамени". Я въ это время чувствовалъ себя въ недоумѣніи. Россія здорова: таково было мое впечатлѣніе; страна полна жизненной силы — но почему же чахнетъ революціонное движеніе—это—какъ мнѣ говорили мои теоріи — высшее проявленіе роста страны?

Мнѣ это казалось невѣроятнымъ противорѣчіемъ, которое я не могъ разрѣшить и которое меня приводило къ какому-то холодному отчаянію. Такъ уѣхалъ я заграницу, съ един-

ственнымъ желаніемъ написать свои воспоминанія о пережитомъ.

Замѣчу мимоходомъ что я уѣхалъ съ согласія товарищей, но безъ всякихъ порученій, и вообще совершенно свободный, предупредивъ, что ѣду на неопредѣленно долгое время. Во время этого-то „безсрочнаго отпуска“ моего тамъ, въ Россіи, рухнули всѣ остатки старой организаціи, погибли всѣ, по отношенію къ кому можно было бы говорить съ какимъ нибудь правомъ о моихъ *обязательствахъ*.

Было бы долго, да и едва ли я имѣю всегда на то право, говорить объ обстоятельствахъ, которыя опредѣлили такое, а не иное поведеніе мое за границей. Скажу одно: это самое отвратительное время моей жизни.

Это единственная эпоха, когда кружковщина, заѣдающая вообще всю живую силу въ нашихъ quasi партіяхъ, могла меня связать и и полонить. Конечно, на то были свои причины, и именно долгъ, рутинный, партійный долгъ, который животворитъ человѣка въ живомъ дѣлѣ, но сказываясь по отношенію къ дѣлу умирающему, напоминаетъ грѣхи, наказуемые до седьмого поколѣнія. Дѣйствитель-

ность мнѣ давала потрясающія указанія. Но чтобы ими пользоваться, нужно имѣть умъ и совѣсть свободно функціонирующими, нужно позволять себѣ думать и чувствовать, а этого-то и не было, какъ нѣтъ нигдѣ въ партіяхъ, а ужь особенно въ нашихъ. Я утѣшалъ себя мыслью что, находясь въ рядахъ партіи, буду лучше способствовать ея пересозданію. Какое самообольщеніе! Выходило, конечно, лишь то что я себя подчинялъ, самъ молчалъ, да и думалъ гораздо меньше чѣмъ слѣдовало бы, мѣшая думать и другимъ.

Несмотря однако на полную добросовѣстность, съ которою я кастрировалъ свои умственныя способности, я могъ достигнуть лишь замедленія своего развитія, но не полнаго его уничтоженія. Жизнь дѣйствовала слишкомъ вразумительно. Я не могъ не замѣчать ея указаній. Дѣятельность Германа Лопатина съ товарищами дала мнѣ новое предостереженіе. Я увидѣлъ что они дѣлаютъ не то что нужно. Что нужно—этого я не могъ почуять изъ заграницы—но настоятельно совѣтывалъ Г. Лопатину искать новыхъ путей, такъ какъ старые, на которыхъ онъ стоялъ, очевидно негодны. Когда я увидалъ что онъ и его товарищи

не умѣютъ или не хотятъ сойти со старыхъ путей, я (лѣтомъ 1884 года, числа не помню) письменно отнялъ у Г. Лопатина право считать меня членомъ ихъ кружка, и просилъ больше не пользоваться моимъ именемъ.

Съ тѣхъ поръ я отстранился отъ всякихъ кружковъ или организацій. Иногда у меня были порывы что-нибудь начать—но уже внѣ всякаго подчиненія какимъ - нибудь партіямъ.

Вотъ, если позволятъ читатели, нѣсколько выдержекъ изъ моего дневника за 1886 годъ. Въ мартѣ 1886 года я отмѣчаю что по такимъ-то обстоятельствамъ (имѣвшимъ мѣсто, прошу замѣтить, въ январѣ 1885 года), „я окончательно убѣдился что революціонная Россія, въ смыслѣ серіозной, созидательной силы—не существуетъ... Революціонеры есть, они шевелятся и будутъ шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря... Они способны только рабски повторять примѣры... Они не перенимаютъ даже и у стариковъ ничего кромѣ внѣшности, техники". Далѣе: „Въ моихъ глазахъ уже болѣе года несомнѣнно, что отнынѣ нужно всего ждать лишь отъ Россіи, отъ русскаго народа, почти ничего не ожидая отъ революціо-

неровъ". Я дѣлалъ отсюда выводъ, что „жизнь свою долженъ устроить такъ, чтобы имѣть возможность служить Россіи такъ какъ подскажетъ мнѣ мое чутье независимо ни отъ какихъ партій".

Таковы факты. Читатели видятъ что у меня давно нѣтъ рѣшительно никакихъ обязательствъ по отношенію къ „партіи народной воли". Если же находятся люди, которые вздумали бы ее воскресить *) — что мнѣ за дѣло? Это меня ровно ни къ чему не обязываетъ. Я этой попытки не затѣвалъ, напротивъ всегда совѣтывалъ ея не дѣлать, я ея не одобряю, я предвижу отъ нея только вредъ для Россіи. Вопросъ же, какъ бы отнеслись теперь къ попыткѣ тѣ или другіе изъ погибшихъ представителей стараго движенія—для меня интересенъ въ историческомъ и психологическомъ смыслѣ—но не можетъ имѣть никакого вліянія на мой выборъ пути. Я могъ позволить своему разсудку и волѣ дремать, но разъ они проснулись и заговорили, я слушаюсь только

---

*) *Прим. 1895 года.* Тогда именно пытались ее воскресить, почему особенно и сердились на меня за мое открытое отреченіе отъ всякихъ революцій.

ихъ. Если бы теперь возстали изъ какихъ угодно могилъ и какіе угодно люди, какъ бы близки они мнѣ не были—я могъ бы сдѣлать одно: употребить всѣ силы, все знаніе, всѣ доводы, чтобы убѣдить этихъ людей пойти со мной. А затѣмъ, съ ними или одинъ, я все-таки пошелъ бы своей дорогой, той которую считаю истинною. *)

II.

Есть много моихъ сверстниковъ, которые также получили немало уроковъ отъ жизни, и тѣмъ не менѣе продолжаютъ пассивно „держать знамя", съ ужасомъ отгоняя отъ себя мысль о какихъ-либо перемѣнахъ, особенно въ сторону „умѣренности". Отбросить же привычки столькихъ лѣтъ и такъ далеко, чтобы совсѣмъ перестать быть революціонеромъ, имъ представляется чѣмъ-то внѣ человѣческаго разумѣнія. Я поступилъ иначе. Почему? При-

---

*) Эти строки писаны въ отвѣтъ на упрекъ эмигрантовъ что я измѣняю „старымъ товарищамъ", ихъ „могиламъ".

чинъ, конечно, много. Между прочимъ, я, напримѣръ, чрезвычайно обязанъ наблюденію французской жизни, которая показала мнѣ и дѣйствительно драгоцѣнныя стороны культуры, и ничтожную цѣну революціонныхъ идеаловъ. Но самое главное вотъ что: въ мечтахъ о революціи есть двѣ стороны. Одного прельщаетъ больше сторона разрушительная, другаго—построеніе новаго. Эта вторая задача издавна преобладала во мнѣ надъ первою. Вообще меня лично очень бы интересовала задача прослѣдить *теперешняго* себя въ моемъ революціонномъ прошломъ, сквозь которое я съ благодарностью смотрю на мои дореволюціонные годы. Эти годы воспитанія умѣли все-таки подарить мнѣ нѣкоторую индивидуальность, которую потомъ не могъ вполнѣ стереть даже потокъ передовыхъ идей, затопившій наше поколѣніе. Само собою я не думаю угостить читателя своею автобіографіей. Напомню только просто, что вполнѣ сложившіяся идеи общественнаго порядка и твердой государственной власти издавна отличали меня въ революціонной средѣ; никогда я не забывалъ русскихъ національныхъ интересовъ и всегда бы сложилъ голову за единство и цѣлость Россіи.

Въ своемъ соціализмѣ я никогда не могъ примкнуть ни къ одной опредѣленной школѣ. Въ отношеніи бунтовскомъ я мечталъ то о баррикадахъ, то о заговорѣ, но никогда не былъ „террористомъ".

Нѣкоторый отпечатокъ положительности лежалъ на моемъ революціонизмѣ.

Вообще я раздѣлилъ бы революціонный періодъ моей жизни на три фазиса:

1) Мечты о поднятіи народныхъ массъ (эпоха *Земли и Воли)*, причемъ я, однако, никогда не допускалъ мысли о самозванщинѣ и тому подобномъ лганьѣ, а думалъ, такъ-сказать, о „честномъ бунтѣ".

2) Мечты о государственномъ переворотѣ посредствомъ заговора, причемъ я, такъ-сказать, *терпѣлъ* терроръ, стараясь, однако, обуздывать его и подчинить созидательнымъ идеямъ (эпоха *Народной Воли)*.

3) Мечтанія о государственномъ переворотѣ путемъ заговора съ рѣзкимъ отрицаніемъ террора и съ требованіемъ усиленія культурной работы (эпоха кончины *Народной Воли*).

Послѣ этого я отбросилъ и самую революцію вообще. Третій фазисъ—для меня теперь такое же прошлое, какъ первые два. Но онъ

менѣе извѣстенъ публикѣ (то-есть судящей обо мнѣ), такъ какъ я въ это время почти ничего не писалъ. Не лишнимъ будетъ нѣсколько возстановить его физіономію. У меня для этого есть совершенно объективный документъ: статья, которую не допустили до напечатанія въ № 5 *Вѣстника Народной Воли*. Жалѣю что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ напечатать ее цѣликомъ. Суть ея въ слѣдующемъ:

Россія, говорю я тамъ, находится въ самомъ обыкновенномъ, такъ-сказать нормальномъ, состояніи, а революціонныя партіи въ разстройствѣ. Такое несоотвѣтствіе должно объясняться лишь ошибками программы партіи.

„Программа *Народной Воли* была лишь попыткой, говорю я тамъ. Для того чтобы превратиться въ дѣйствительную русскую революціонную программу, она должна бы быть двадцать разъ пересмотрѣна и исправлена, при помощи того культурно - революціоннаго движенія, которое она должна бы возбудить... Не уединяться, не отстаивать свое должна бы партія, а напротивъ сливаться съ Россіей“.

Все это оказалось, однако, выше пониманія революціонеровъ. Уже сразу *Народная Воля*

допустила такую громадную ошибку, какъ включеніе въ программу дѣятельности разрушительной и террористической. Послѣдующіе годы еще болѣе развили ошибку. Эту мысль я доказываю въ статьѣ подробно съ точки зрѣнія заговорщика. Мое отрицаніе террора въ высшей степени рѣзко. „Еслибы мнѣ сказали что въ той или другой странѣ ничего не остается дѣлать, какъ пускать въ ходъ терроръ, я бы сильно усомнился въ способности этой страны къ жизни.“ Однако-же терроризмъ именно все больше развивался въ партіи, совершенно подрывая ея собственныя силы, ея подготовительную работу, а между тѣмъ „роль настоящихъ революціонеровъ — это роль не только бунтовская, но и культурная“. Идея террора такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ сузила и обезплодила идею революціи, замкнула ея дѣло въ небольшомъ слоѣ „своихъ“ людей (слишкомъ часто нелегальныхъ), а потому помѣшала партіи превратиться въ широкое общественное движеніе. Я заключаю статью напоминаніемъ что всѣ разочарованія имѣютъ мѣсто собственно въ средѣ партіи. „Россія въ болѣе широкомъ смыслѣ идетъ своимъ путемъ“. Должно, стало-быть, надѣяться, что „Россія и

ея интеллигенція сумѣютъ понять другъ друга", а потому я смѣло говорилъ еще читателямъ „до лучшаго будущаго".

Такъ хотѣлъ я обратиться къ читателямъ *Вѣстника* въ его прощальномъ нумерѣ, лѣтомъ 1886 года. Однако же товарищи по редакціи и изданію единогласно и съ нѣкоторымъ ужасомъ нашли мою статью неподходящею, высказавъ что я не имѣю права печатать ее въ *Вѣстникѣ Народной Воли*. Такъ она и погибла *) Я тогда былъ по этому поводу въ большомъ негодованіи: мнѣ казалось невѣроятнымъ, какъ люди могутъ не понимать что я имъ показываю единственный серьезный, разумный способъ дѣйствія, который притомъ, какъ мнѣ казалось, лишь развиваетъ лучшія мечты стараго времени, только болѣе возмужалыя и окрѣпшія.

Это было совершенное законное чувство. Но, съ другой стороны, не могу теперь не сознаться что именно разумность дѣйствія и духъ жизненности, проявившіеся въ немъ, должны

---

*) Собственно погибла лишь вторая половина (10 страницъ), гдѣ заключалась „нецензурность".

были въ логическомъ развитіи сдѣлать еще шагъ впередъ и совершенно отбросить „революціонные способы дѣйствія". Я самъ вѣдь утверждаю въ статьѣ, что „только извѣстная эволюція въ народной жизни можетъ создавать почву для революціонной дѣятельности". Я требую единенія партіи со страной. Я требую уничтоженія террора и выработки „великой національной партіи"... Но тогда для чего же самые заговоры, возстанія, перевороты?

Такая партія, о созданіи которой я помышлялъ, очевидно сумѣла бы выработать систему улучшеній вполнѣ возможныхъ и явно плодотворныхъ, а стало-быть—нашла бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало бы ничего лучшаго какъ стать самому во главѣ реформы.

Поэтому моя точка зрѣнія дѣйствительно являлась опасною и еретическою для тѣхъ, кто хочетъ во что бы то ни стало быть революціонеромъ. Она опасна, потому что въ концѣ-концовъ отклоняетъ отъ революціи (хотя начинаетъ съ нея). Она еретична потому что сознательно или безсознательно проникнута духомъ отрицанія множества основъ революціонной религіи.

У насъ дѣйствительно (да и не только у насъ) глубоко укоренилась мысль, будто мы живемъ въ какомъ-то „періодѣ разрушенія", который, какъ вѣруютъ, кончится страшнымъ переворотомъ, съ рѣками крови, трескомъ динамита и т. п. За симъ—предполагается—начнется „періодъ созидательный". Эта соціальная концепція, составляющая нѣчто въ родѣ политическаго отраженія старыхъ идей Кювье и школы внезапныхъ геологическихъ катастрофъ, совершенно ошибочна. На самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни, разрушеніе и созданіе идутъ рука объ руку и даже не мыслимы одно безъ другаго. Разрушеніе одного явленія происходитъ собственно отъ того что въ немъ, на его мѣстѣ, созидается нѣчто другое и, наоборотъ, формированіе новаго есть не что иное, какъ разрушеніе стараго. Кто имѣетъ силу разрушить, безсильный, однако, немедленно возсоздать новое, производитъ только омертвѣніе части общественнаго организма. Но въ большинствѣ случаевъ, при такихъ условіяхъ, и самое разрушеніе чисто фиктивно: уничтожатъ, напримѣръ, личность, а идея или сословіе, или учрежденіе, ею представ-

ляемые, продолжаютъ оставаться въ полной силѣ и здоровьѣ.

У насъ же это революціонное разрушеніе составляетъ вѣру, надежду, обязанность каждаго добраго радикала. Все что есть бунтъ, протестъ, ниспроверженіе — разсматривается какъ нѣчто полезное, содержащее зерно прогресса. Тѣмъ болѣе полезнымъ считается разрушеніе, если оно направлено противъ администраціи или правительства, то-есть противъ самаго центра охраны существующаго порядка. Мысль о возбужденіи бунтовъ, возстаній, заговоровъ всякаго рода — пыталась у насъ воплотиться въ какихъ угодно формахъ, —и ни въ одной не могла этого достигнуть: ни для баррикадъ, ни для ирландщины, ни для заговора не оказывается въ Россіи „матеріала", то-есть сочувствія, желаній народа и общества.

При такихъ условіяхъ для реальнаго проявленія возстанія, если не считать злополучныхъ студенческихъ волненій, остается только, такъ сказать, единоличный бунтъ, то-есть именно терроризмъ. Для такого способа дѣйствій нѣтъ нужды ни въ поддержкѣ, ни въ сочувствіи страны. Достаточно своего убѣжденія, своего отчаянія, своей рѣшимости погибнуть.

Чѣмъ меньше страна хочетъ революціи, тѣмъ натуральнѣе должны прійти къ террору тѣ кто хочетъ во что бы то ни стало оставаться на революціонной почвѣ, при своемъ культѣ революціоннаго разрушенія. Защитники политическихъ убійствъ очень рѣдко, полагаю, сознаютъ, что настоящую силу терроризма въ Россіи составляетъ безнадежность революціи; но въ дѣйствительности они только поэтому и стремятся такъ упорно къ террору, хотя бы вопреки даже усиліямъ наиболѣе способныхъ людей своего же лагеря.

Терроризмъ исчезнетъ у насъ тогда, когда исчезнетъ мысль дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Къ несчастію, мысль о революціонномъ пути воспитывается всѣми слабыми сторонами русской образованности. Требованіе усиленной культурной работы, падавшее прямо на этотъ слабый пунктъ, независимо отъ моей воли, являлось въ сущности антиреволюціоннымъ. Самый же фактъ его постановки является указаніемъ на то, что въ моемъ умѣ революція была уже безсознательно погребена.

Итакъ, воздаю полную справедливость лицамъ, забраковавшимъ мою статью. Какъ ре-

волюціонеры, они были правы. Но я—я тоже былъ правъ, какъ человѣкъ, мысль котораго пошла дальше и глубже. У меня была тогда только одна ошибка: я не рѣшался разстаться съ нѣкоторыми остатками бунта и съ самымъ словомъ „революція", которое слишкомъ перехвачено бунтовщиками для того чтобы служить съ пользой въ какой-либо раціональной программѣ *). Скоро я исправилъ и эту ошибку.

---

*) Я все-таки долженъ напомнить П. Лаврову, какъ впрочемъ и всѣмъ моимъ оппонентамъ, что подъ словомъ „революція" понимается вовсе не только насильственный переворотъ, на которомъ фиксировано ихъ воображеніе, но и нѣчто совершенно иное: а именно процессъ измѣненія типа даннаго явленія, хотя бы измѣненіе совершилось и вполнѣ мирно. Въ такомъ научномъ смыслѣ слова говорятъ напримѣръ: христіанство совершило путемъ мирной эволюціи величайшую въ мірѣ революцію. Мой революціонизмъ именно и отыскивалъ эту эволюцію, этотъ историческій процессъ измѣненія типа чтобы дѣйствовать сообразно съ нею. Тогда какъ у П. Лаврова, какъ и у его товарищей, стремленія сводятся не къ отысканію этого типа, не къ усиленію процесса его развитія, а къ революціоннымъ способамъ или путямъ

Революціонный періодъ моей мысли кончился и отошелъ въ вѣчность. Я не отказался отъ своихъ идеаловъ общественной справедливости. Они стали только стройнѣй, яснѣй. Но я увидѣлъ также, что насильственные перевороты, бунты, разрушеніе,—все это болѣзненное созданіе кризиса, переживаемаго Европой—не только не неизбѣжно въ Россіи, но даже мало возможно. Это—не наша болѣзнь. У насъ это нѣчто книжное, привитое, порожденное отсутствіемъ русской національной интеллигенціи. Но не придавать ему значенія тоже

дѣйствія, то-есть къ дракѣ, къ бунту, къ разрушенію. Они, конечно, очень охотно оправдываются тѣмъ что будто бы не разрушивъ того или инаго, нельзя дѣйствовать. Это ошибка, и очень нерекомендующая совершающихъ ее. Я спрошу: эволюція, на которой они основываютъ измѣненіе типа, совершается ли въ странѣ или нѣтъ? Если да и если они ее схватили — значитъ можно дѣйствовать, можно очевидно дѣлать то, что даже и безъ васъ дѣлается въ странѣ. Если же эволюціи такого рода нѣтъ—тогда нечего и толковать о революціи. Такъ выходитъ при попыткѣ придать слову „революція" серіозный соціологическій смыслъ. *Примѣч.* 1888 г.

не слѣдуетъ. Конечно, наше революціонное движеніе не имѣетъ силы своротить Россію съ историческаго пути развитія, но оно все-таки очень вредно, замедляя и отчасти искажая это развитіе.

Я не могу входить подробно въ критическій разборъ множества переплетающихся, часто противоположныхъ точекъ зрѣнія, составляющихъ въ сложности теоретическій багажъ революціоннаго движенія. Мнѣ нужно собственно опредѣлить лишь свое отношеніе къ нему. А потому я посвящаю нижеслѣдующее изложеніе только тремъ вопросамъ, практически наиболѣе важнымъ: 1) терроризму, 2) студенческимъ волненіямъ, 3) оцѣнкамъ формы государственнаго правленія.

III.

Идея террора сама по себѣ до такой степени слаба, что о ней не испытываешь даже желанія говорить. То что я сказалъ о немъ въ предисловіи къ *la Russie politique et sociale*, совершенно вѣрно: терроризмъ, какъ система политической борьбы или безсиленъ, или изли-

шенъ; онъ безсиленъ, если у революціонеровъ нѣтъ средствъ низвергнуть правительство, онъ излишенъ, если эти средства есть. А между тѣмъ онъ вреденъ въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ. Объ этомъ я сказалъ въ „предисловіи" очень слегка. Составители протеста *), однако, нападаютъ на меня особенно горячо на этомъ пунктѣ, и слабые аргументы „старыхъ язычниковъ", какъ они себя называютъ, именно здѣсь могутъ оказать вліяніе на молодежь, такъ какъ льстятъ ея привычнымъ точкамъ зрѣнія. Поэтому и я выскажу полнѣе свою мысль.

„Старые язычники" вспоминаютъ въ пользу террора истрепанный аргументъ, будто бы это „дезорганизуетъ правительство". Я еще въ вышеприведенной статьѣ (не пропущенной для *В. Н. В.*) доказывалъ что онъ прежде всего „дезорганизуетъ самихъ революціонеровъ". Что касается правительства, я бы желалъ видѣть точнѣе формулировку, въ чемъ именно выражается его „дезорганизація"? Я самъ это говорилъ когда-то, вмѣстѣ съ другими, но то

*) Т. е. протеста эмигрантовъ противъ меня. Л. Т.

что могло казаться признакомъ дезорганизаціи до 1884 года—по моему—совершенно исчезло потомъ.

Вообще выводъ моего наблюденія таковъ, что политическія убійства приводили правительство въ нѣкоторое разстройство лишь до тѣхъ поръ, пока оно думало, будто передъ нимъ какая-то грозная сила; разъ убѣдившись, что это ничтожная горсть, которая потому и занимается политическими убійствами, что не имѣетъ силы на что-нибудь серіозно опасное—правительство, по моему, не обнаруживало болѣе никакихъ признаковъ разстройства. Оно усвоило твердую систему и пошло своимъ путемъ совершенно безъ колебаній. Безъ сомнѣнія, личная жизнь правительственныхъ лицъ, способныхъ навлечь ненависть террористовъ, чрезвычайно испорчена постояннымъ ожиданіемъ покушеній. Но какъ бы ни была непріятна такая жизнь—уступать изъ за этого, конечно, никто не станетъ. Вопервыхъ, это было бы слишкомъ малодушно, вовторыхъ, подготовляло бы слишкомъ много опасности въ будущемъ. Сегодня изъ-за страха смерти изволь уступать соціалистамъ, а завтра, видя это, крѣпостники съ такими же угрозами потребуютъ усту-

покъ имъ, а послѣ завтра—крупные капиталисты, и т. д. Это было бы слишкомъ безсмысленно...

Съ этой стороны, то-есть въ смыслѣ политическихъ измѣненій, значеніе террора равно приблизительно нулю. Но за то онъ отражается самымъ вреднымъ образомъ внизу, на самихъ революціонерахъ, и повсюду, куда доносится его вліяніе. Онъ воспитываетъ полное презрѣніе къ обществу, къ народу, къ странѣ; воспитываетъ духъ своеволія, не совмѣстимый ни съ какимъ общественнымъ строемъ. Въ чисто нравственномъ смыслѣ, какая власть можетъ быть безмѣрнѣе власти одного человѣка надъ жизнью другаго? Это власть, въ которой многіе (и не худшіе, конечно) отказываютъ даже самому обществу. И вотъ эту-то власть присвоиваетъ сама себѣ горсть людей, и убиваетъ она даже не за какія-нибудь звѣрства, не за что-нибудь такое, что выводило бы ея жертвы за предѣлы человѣческаго рода,—она убиваетъ, такъ-сказать, за политическое преступленіе. И въ чемъ же состоитъ это политическое преступленіе? Въ томъ что признанное народомъ, законное правительство не желаетъ исполнять самозванныхъ тре-

бованій горсти людей, которая до такой степени глубоко сознаетъ себя ничтожнымъ меньшинствомъ, что даже не пытается начать открытую борьбу съ правительствомъ.

Конечно, со стороны этихъ людей можно услышать множество фразъ о „возвращеніи власти"—„народу". Но это не болѣе какъ пустыя слова. Вѣдь народъ объ этомъ нисколько не проситъ, а напротивъ обнаруживаетъ постоянно готовность проломить за это голову „освободителямъ". Только отчаянный романтизмъ революціонеровъ позволяетъ имъ жить такими фикціями и третировать русскую власть какъ позволительно третировать власть какого-нибудь узурпатора. Русскій Царь не похищаетъ власти; онъ получилъ ее отъ торжественно избранныхъ предковъ, и до сихъ поръ народъ, всею своею массой, при всякомъ случаѣ показываетъ готовность поддержать всѣми силами дѣло своихъ прадѣдовъ.

Кто же оказывается тираномъ? Не сами ли революціонеры, которые, сознавая себя ничтожнымъ меньшинствомъ, позволили себѣ поднять руку на монарха, представляющаго собою весь народъ и не подлежащаго никакой

отвѣтственности, а Церковью освященнаго званіемъ ея свѣтскаго главы.

Мнѣ могутъ возразить, что вопросъ о правѣ не всегда умѣстенъ, что иногда самозванные бунтовщики нравственно болѣе представляютъ народъ, нежели его законные представители. Случается. Но чтобы воображать это о себѣ—нужны *факты*, а факты исторіи нашего злополучнаго движенія таковы, что теперь иллюзію „нравственнаго представительства" я уже не могу объяснить даже живостью воображенія, а развѣ его косностью и невоспріимчивостью ни къ какимъ впечатлѣніямъ. Неужели всѣ сословія страны еще недостаточно кричатъ, что революціонеры для нихъ „отщепенцы"?

Анархисты любятъ ссылаться еще на теорію „естественныхъ", прирожденныхъ правъ человѣка. Нельзя, однако, не замѣтить, что вопросъ объ естественныхъ правахъ человѣка по малой мѣрѣ споренъ; теоретически онъ уяснится только тогда, когда вполнѣ установлена будетъ природа общества. Практически онъ становится ясенъ только тогда, когда „естественныя права" признаются законодательствомъ (какъ, напримѣръ, Американское или Французское объявленіе правъ человѣка и гражда-

нина). У насъ не было ничего подобнаго, и сами революціонеры въ своей программѣ исходятъ вовсе не изъ „естественныхъ правъ“, и изъ „народной воли“. Но „народная воля“ за правительство и требуетъ подчиненія ему. А за симъ, еслибы „естественныя права“ и легли въ основу программы какой-либо партіи—они не дадутъ ей никакого разрѣшенія на политическія убійства, что составляетъ несомнѣнно посягательство на свободу личности и права общества.

Въ общей сложности, терроризмъ, практика политическихъ убійствъ, есть система борьбы, которая сама не выяснила себѣ ни своего права на существованіе, ни даже своей идеи. Въ дѣйствительности такою идеей можетъ быть только анархическое всевластіе личности и презрѣніе ко власти общества. Но воспитывая цѣлыя поколѣнія въ такихъ идеяхъ, терроризмъ не имѣетъ даже логичности анархизма, умудряется гласно отрекаться отъ анархіи, требуетъ централизаціи, дисциплины... Не есть ли въ цѣломъ это настоящая школа хаотизированія мысли, школа пріучающая людей къ дѣятельности, не осмысленной никакимъ общимъ соціологическимъ міросозерцаніемъ?

Принижающее дѣйствіе терроризма, стало-быть, неизбѣжно, даже если не считать того что фактически онъ приводитъ къ „борьбѣ" уличныхъ разбойниковъ. Составители протеста обижаются что я назвалъ эту „борьбу" *abaissante*... принижающею. Но еще бы! Я понимаю еще эти стычки въ видѣ мелкаго эпизода. Но когда борьба съ полиціей и покушенія на жизнь правительственныхъ лицъ дѣлаются базисомъ—это несомнѣнно заставляетъ борющихся мало-по-малу становиться всецѣло ниже роли реформатора. Реформаторъ, если онъ не самозванецъ, долженъ быть умственно и нравственно выше среды, въ которую приноситъ свѣтъ, а стало-быть онъ имѣетъ силу и пересоздать ее, повліять на нее. Въ этомъ его гордость и могущество. Что же сказать, если такое вліяніе, эта „культурная работа", начинаетъ казаться quasi - реформаторамъ даже вовсе невозможною, *) и они сами безъ зазрѣнія совѣсти сознаются что могутъ дѣйствовать только кинжалами да фальшивыми паспортами?

---

*) *Примѣчаніе 1895 года.* Террористы ссылались на то что „ничего нельзя дѣлать"... Л. Т.

Вліяніе самаго образа жизни террориста-заговорщика чрезвычайно отупляющее. Это жизнь травленнаго волка. Господствующее надъ всѣмъ сознаніе — это сознаніе того, что не только нынче или завтра, но каждую секунду онъ долженъ быть готовъ погибнуть. Единственная возможность жить при такомъ сознаніи — это не думать о множествѣ вещей, о которыхъ, однако, нужно думать, если хочешь остаться человѣкомъ развитымъ. Привязанность сколько-нибудь серіозная и какого-бы то ни было рода—есть въ этомъ состояніи истинное несчастіе. Изученіе какого бы то ни было вопроса, общественнаго явленія и т. п.—не мыслимо. Планъ дѣйствія мало-мальски сложный, мало-мальски обширный, не смѣетъ прійти даже въ голову. Всѣхъ поголовно (исключая 5—10 единомышленниковъ) нужно обманывать съ утра до ночи, отъ всѣхъ скрываться, во всякомъ человѣкѣ подозрѣвать врага... Нужны особо выдающіяся силы, чтобы хоть немножко думать и работать при такой противуестественной жизни. Да и такіе люди, если не вырываются изъ засасывающаго болота своей обстановки, быстро понижаются. Для людей же меньшаго калибра эта безпрерывная возня

со шпіонами, фальшивыми паспортами, конспиративными квартирами, динамитами, засадами, мечтами объ убійствахъ, бѣгствами— еще гораздо фатальнѣе.

IV.

Второе проявленіе нашей „революціи" составляютъ волненія молодежи, уничтожающія огромный процентъ ея лучшихъ силъ.

Я зналъ въ Россіи, среди тѣхъ которые сами гибнутъ, не мало революціонеровъ, щадившихъ молодежь. Еще недавно одинъ изъ такихъ людей, которому я высказалъ свои взгляды столь же откровенно, какъ въ настоящей брошюрѣ, просилъ меня обратиться къ молодежи съ товарищескимъ увѣщаніемъ — учиться и готовиться къ жизни, а не бросаться преждевременно въ политику.

Составители заграничнаго протеста чувствуютъ и думаютъ иначе. Они боятся чтобы я не произвелъ „охлаждающаго" дѣйствія на молодежь. „Сколько молодыхъ, формирующихся силъ, говорятъ они, обрекаются на нравственную смерть, на внутреннее разложеніе въ

смутную эпоху, когда всякая (!) эволюція (??) человѣка, повидимому уже установившагося (то-есть меня грѣшнаго), служитъ для нерѣшительныхъ и колеблющихся поощреніемъ и призывомъ быть переметною сумой".

Я нарочно цитирую эти строки. Это яркое знаменіе упадка, указывающее что пора гг. „передовымъ" одуматься, пора снова приняться за выработку своей личности, своего ума и совѣсти. Пусть читатели вдумаются только въ узкій, кагальный духъ, пропитывающій обращенные ко мнѣ упреки.

„Всякая" эволюція страшитъ авторовъ „протеста"; нравственная жизнь состоитъ для нихъ въ томъ чтобы быть „какъ наши", критика, самостоятельный выборъ—составляютъ „внутреннее разложеніе", „колеблющихся и нерѣшительныхъ" они желали бы захватить къ себѣ, не заботясь объ отсутствіи убѣжденій, а довольствуясь пассивнымъ послушаніемъ и подражаніемъ. Хороши, нечего сказать, нравственные идеалы!

Нѣтъ, не такъ я смотрю! Въ такую смутную эпоху, столь бѣдную умственною работой, столь приниженную нравственно — примѣръ смѣлаго исканія правды, примѣръ честнаго

отказа отъ ошибки, безъ трепета предъ преслѣдованіемъ, клеветой, бранью, это, я думаю, именно и есть то что наиболѣе нужно для „колеблющихся и нерѣшительныхъ“.

Колеблющіеся и нерѣшительные! Вы, которые имѣли счастье еще не оцѣпенѣть въ пассивномъ слѣдованіи за „нашими“, выслушайте меня, одного изъ немногихъ, кто не побоялся дать себѣ отчетъ въ своемъ опытѣ и своихъ ощущеніяхъ. Можно со мною не соглашаться, но только обратите вниманіе на мою „эволюцію“. Вы отъ этого только выиграете. Я могу дать только полезную для васъ работу мысли. Если проявленіе умственной работы невыгодно для какой нибудь программы, если для служенія какой-либо партіи нужны умы гипнотизированные, нужна пассивная совѣсть старовѣра, — это доказываетъ лишь ложность программы. Нравственная смерть именно и состоитъ въ окостенѣніи совѣсти, которая жива лишь тогда, когда дѣйствуетъ, оцѣниваетъ и выбираетъ.

Мой совѣтъ молодежи: думайте, наблюдайте, учитесь, не вѣрьте на слово, не поддавайтесь громкимъ фразамъ, не позволяйте себя застра-

щивать ни „великими могилами", *) ни „переметными сумами". Примѣрьте двадцать разъ прежде чѣмъ отрѣжете.

Я говорю это не только потому, что мнѣ жаль видѣть, какъ погибаетъ молодежь. Конечно, есть и это. Меня возмущаетъ, когда я слышу разсужденія: „Пусть бунтуютъ; это, конечно, пустяки, но изъ этихъ людей все равно ничего серіознаго не можетъ выйти, а тутъ все-таки — протестъ" **). Я — сознаюсь охотно — предпочитаю видѣть что маленькій, обыкновенный человѣкъ, „негодный ни къ чему серіозному", живетъ, какъ умѣетъ, счастливо, а не гніетъ гдѣ-нибудь въ ссылкѣ или въ казематѣ. Но дѣло не только въ этомъ, не въ личной судьбѣ сотенъ молодыхъ людей. Тутъ замѣшаны очень и очень близко величайшіе интересы Россіи.

---

*) *Примѣч. 1895 г.* Упрекая меня за подрывъ ихъ „авторитетовъ", эмигранты патетически восклицали:

Нужны намъ великія могилы,

Если *нѣтъ величія въ живыхъ*...

Послѣднее признаніе по крайней мѣрѣ откровенно!

**) Подлинныя выраженія подстрекателей.

Л. Т.

Учащаяся молодежь—это слой, изъ котораго выростаетъ впослѣдствіи государственная и умственная жизнь страны, слой драгоцѣнный, который подготовляетъ родинѣ неоцѣнимыя блага, если готовится осмысленно къ своей будущей миссіи, но который также можетъ принести много зла ужь однимъ тѣмъ что не умѣетъ выполнить, какъ слѣдуетъ, добра. Это налагаетъ на учащуюся молодежь серіозныя обязанности—добросовѣстно подготовиться къ будущей роли. Недостаточно имѣть добрыя намѣренія, недостаточно имѣть горячее чувство: нужны знанія, нужно умѣнье, и *особенно выработка умственной самостоятельности*. Русская учащаяся молодежь должна помнить, что всѣ будущіе „учители", всѣ способные руководить политикой или давать направленіе народной мысли—всѣ они могутъ выйти только изъ ея среды. Какое банкротство готовитъ своей странѣ поколѣніе, которое не выработаетъ къ своему времени достаточнаго количества людей мужественныхъ, крѣпкихъ духомъ, способныхъ всегда отыскать свой собственный путь, не поддаваясь первому впечатлѣнію или вліянію политической моды, а тѣмъ болѣе пустымъ фразамъ, посредствомъ

которыхъ шарлатаны повсюду эксплуатируютъ довѣрчивыя сердца?

Россія страна съ великимъ прошлымъ и даетъ надежды на еще болѣе великое будущее. Но она имѣетъ свои недостатки, изъ которыхъ одинъ, очень важный, особенно близко касается учащейся молодежи: это крайняя незначительность серіозно образованнаго, мыслящаго слоя, способнаго къ *серіозной умственной работѣ*. Опасность такого недостатка очевидна, такъ какъ этотъ слой даетъ тонъ всей работѣ каждой страны, касается ли дѣло политики, промышленности, воспитанія и т. д.

Слабость этого „мозга страны" отражается на всей массѣ образованнаго слоя двояко: во-первыхъ, въ видѣ плохаго качества ходячихъ понятій, распространенныхъ въ публикѣ и прививаемыхъ мало-по-малу къ массѣ народа; во вторыхъ — самая манера мыслить, умѣнье мыслить, способъ выработки понятій—остаются весьма неудовлетворительными.

Низкое качество политическихъ и соціальныхъ понятій, находящихся у насъ въ обращеніи, зависитъ отъ того что, по незначительности серіозныхъ умственныхъ силъ, соціаль-

ная наука не разрабатывается на изученіи нашей собственной страны и представляемыхъ ею общественныхъ явленій. Въ этомъ значительно виновата и прежняя цензура, но вліянія ея не слѣдуетъ преувеличивать. Главная причина заключается въ насъ самихъ, въ нашей манерѣ мыслить.

Въ русскомъ способѣ мышленія (говорю объ *интеллигенціи*) характеристичны двѣ стороны: отсутствіе вкуса и уваженія къ факту, и наоборотъ: безграничное довѣріе къ теоріи, къ гипотезѣ, мало-мальски освящающей наши желанія. Это должно происходить, очевидно, отъ малой способности мозга къ напряженной умственной работѣ. Голова, слишкомъ быстро устающая, не можетъ справиться съ миріадами фактовъ, наполняющихъ жизнь, и получаетъ къ нимъ нѣчто вродѣ отвращенія. Гипотеза, напротивъ, ее радуетъ, давая кажущееся пониманіе явленій безъ утомительнаго напряженія. Эти явленія естественны въ народѣ, такъ недавно начавшемъ учиться. Но ихъ нужно сознавать, понимать и исправлять. Среда учащейся молодежи особенно должна подумать объ этомъ, такъ какъ она именно и занимается спеціально выработкой своей мысли.

Наша общественная мысль переполнена всевозможными предвзятостями, гипотезами, теоріями одна другой всеобъемлющѣе и воздушнѣе. Воспитаніе ума совершается до того на общихъ мѣстахъ, общихъ соображеніяхъ, что я боюсь, не понижаетъ ли оно скорѣе способности къ правильному мышленію. „Русская смекалка" проявляется у интеллигенціи гораздо слабѣе, нежели у крестьянъ; о практичности же нечего и говорить...

И въ связи съ такой выработкой ума какъ часто нравственная жизнь образованнаго человѣка представляетъ только двѣ крайности. Сначала безумный жаръ фанатика, не допускающаго скептицизма, видящаго въ обсужденіи только подлость или трусость. Но увы — жизнь идетъ своимъ чередомъ, не по теоріи: она безжалостно бьетъ мечтателя; а онъ, не имѣя въ умѣ другаго содержанія, кромѣ логическихъ построеній, начинаетъ сердиться на жизнь: ему кажется что она безсовѣстно обманываетъ его. Наступаетъ второй періодъ — озлобленное разочарованіе, а иногда и мщеніе жизни, не умѣвшей оцѣнить столь великаго человѣка. Такъ появляются и самые от-

чаянные революціонеры, такъ появляются и самые безсердечные карьеристы.

V.

Фантазерское состояніе ума, обычное во всемъ среднемъ образованномъ кругу нашемъ, достигаетъ высшаго выраженія у революціонеровъ. Тутъ романтизмъ *) міросозерцанія доходитъ до послѣднихъ предѣловъ. Дѣйствительность всецѣло разсматривается сквозь призму теоріи. Нѣтъ ничего, что отражалось бы

---

*) Авторы протеста вспоминаютъ мою фразу о томъ, что „революціонная мысль всегда реальна". Еслибъ они вникали въ смыслъ словъ, не удовлетворяясь звукомъ, то безъ труда увидали бы что „революція", о которой говорилъ я, и которая тянется съ сотворенія міра, есть именно, по ихъ бунтовской терминологіи, „эволюція", а не „революція", и ничего общаго съ ихъ „революціонными способами дѣйствія" не имѣетъ.

Моя нелюбезность къ „близорукимъ гелертерамъ" не есть, конечно, аргументъ, и только показываетъ, какъ я старался тогда спасти слово *революція*, какъ мнѣ не хотѣлось съ нимъ разстаться. *Прим.* 1888 г.

въ этомъ міросозерцаніи въ своихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ. Можно было бы написать цѣлые томы критическихъ этюдовъ по поводу отсутствія художественной правды въ революціонныхъ представленіяхъ, гдѣ непропорціональность частей и раздутость образовъ составляетъ общее правило. Мнѣ, конечно, этимъ заниматься, по крайней мѣрѣ теперь— невозможно. Но есть нѣсколько точекъ зрѣнія, о которыхъ я долженъ сказать, два три слова, чтобы обратить въ эту сторону вниманіе молодежи.

До сихъ поръ, сталкиваясь съ революціонною молодежью, я слышу то, что когда-то говорилъ и самъ. Многихъ толкаетъ въ преждевременную политику то соображеніе, будто бы Россія находится на краю гибели, и погибнетъ чуть не завтра, если не будетъ спасена чрезвычайными революціонными мѣрами. Иногда это говорится не о Россіи, а объ общинѣ, и т. д. Изъ діагноза одинаково слѣдуетъ выводъ, что ждать—преступно, и всякій долженъ идти немедленно на спасеніе родины съ тѣмъ оружіемъ, которое имѣетъ сейчасъ.

Что можетъ быть, однако, фантастичнѣе такого діагноза? Каково бы ни было положеніе

Россіи или какого-нибудь общественнаго явленія — несомнѣнно одно: они не могутъ ни погибнуть такъ скоро, ни быть такъ легко спасены. Я вѣрю въ значеніе личности въ исторіи; я вѣрю во вліяніе идей: разрушающія или созидательныя, выработанныя мѣстною жизнью или занесенныя извнѣ—онѣ не менѣе реальная сила, чѣмъ матеріальныя условія. Я врагъ теоріи, будто все дѣлается „само собой". Но всему есть также мѣра. Зачѣмъ этотъ фальшивый складъ ума, при которомъ мы способны понимать личность или полнымъ нулемъ, или—ужь если не нуль, то

Ступитъ на горы—горы трещатъ...

На самомъ дѣлѣ существуетъ нѣчто иное. Въ обществѣ, какъ повсюду въ природѣ, идетъ вѣчное взаимодѣйствіе силъ, закономѣрное и пропорціональное. Личность есть для исторіи нѣчто, но нѣчто лишь извѣстной величины. Она вліяетъ на общество. Но для быстроты ли роста или разрушенія въ обществѣ есть извѣстный предѣлъ, обусловливаемый взаимодѣйствіемъ поколѣній, и этого предѣла не перейдетъ ни злонамѣренность, ни благонамѣ-

ренность. Разница въ быстротечности жизни личности и общества такова что личность всегда имѣетъ время обсудить и изучить положеніе. Очень быстро погибаетъ только то, что уже совсѣмъ подгнило и не можетъ быть спасено никакими средствами. Стало быть, какъ говорятъ Французы—il faut prendre tout au sérieux et rien au tragique. Незачѣмъ нервничать и бросаться, очертя голову, неизвѣстно куда. Россія можетъ только выиграть, если бы молодежь дала зарокъ не мѣшаться въ политику, не посвятивъ по крайней мѣрѣ 5—6 лѣтъ на окончаніе курса и нѣкоторое ознакомленіе съ Россіей, ея исторіей, ея настоящимъ положеніемъ.

Студенческое вмѣшательство въ политику даетъ наиболѣе вредныя послѣдствія въ формѣ разныхъ демонстрацій, когда чуть не въ 24 часа, изъ-за грошоваго протеста противъ какого-нибудь пустячнаго „притѣсненія", погибаетъ для будущаго нѣсколько сотенъ молодыхъ, незамѣнимыхъ силъ. „Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, повторяютъ подстрекатели, лишь бы не спячка". И такое разсужденіе, къ сожалѣнію, дѣйствуетъ и продолжаетъ въ зародышѣ истреблять русскую цивилизацію!

Я спрашиваю однако, есть ли это спячка, когда студенты готовятся къ служенію Россіи съ тѣмъ религіознымъ трепетомъ, который описывается въ воспоминаніяхъ о кружкахъ сороковыхъ годовъ? Есть ли это моментъ спячки, когда Бѣлинскій на приглашеніе идти обѣдать отвѣчаетъ съ укоромъ: „мы еще не рѣшили, существуетъ ли Богъ, а вы—обѣдать"! Есть ли состояніе спячки, когда молодежь честно старается понять исторію своей страны, ея учрежденія, общіе законы соціальныхъ явленій, выбираетъ себѣ наилучшіе, наиболѣе для каждаго подходящіе пути будущей дѣятельности и приготовляется къ нимъ?

Съ другой стороны, велика ли нравственная сила, велико ли развитіе самообладанія, способности дѣйствовать по разсчету и плану— въ такихъ рефлективныхъ вспышкахъ, когда сотни и тысячи молодыхъ людей, хотя бы и вызываемые на то чѣмъ-нибудь непріятныхъ или ненормальнымъ, отнимаютъ у Россіи все чѣмъ они, студенты, могутъ имѣть для нея дѣйствительную цѣнность? Рядомъ съ честнымъ порывомъ я здѣсь вижу огромную дозу легкомыслія. Я нисколько не защищаю никакихъ „уставовъ", никакой „администраціи", а толь-

ко спрашиваю: такое ли поведеніе наиболѣе прилично для молодежи, достойной своихъ будущихъ гражданскихъ обязанностей? Не должна ли она быть выше этихъ ничтожныхъ волненій, не должна ли понимать что не имѣетъ права губить силу, которая, нѣсколько лѣтъ спустя, выросла бы въ огромный капиталъ для Россіи?

Мнѣ уже возражали на это: „Вы ставите для молодежи невозможныя требованія; она не можетъ имѣть такой выдержки и такъ серіозно относиться къ жизни". Я не принимаю такого возраженія. Болѣе выдающаяся часть студенчества была бы къ этому совершенно способна *сама по себѣ* и сумѣла бы дать тонъ остальной массѣ товарищей, еслибы не была постоянно шпигуема разными бунтовскими точками зрѣнія. Развѣ не фактъ, что стоитъ университету не бунтовать 8 мѣсяцевъ, какъ со стороны разныхъ „передовыхъ" начинають раздаваться обвиненія что „студенчество опошлилось, измельчало, развратилось", и не знаю еще что? Оставляя даже въ сторонѣ то, что имѣетъ характеръ прямаго подстрекательства, — какъ дѣйствуютъ на молодежь такія, напримѣръ, разсужденія: „Да, хорошо бы ос-

новательно подготовиться, пріобрѣсти общественное положеніе. Тогда можно бы имѣть серіозное, глубокое вліяніе... Но вѣдь пока будешь служить, пробиваться—неизбѣжно *испортишься*, пропадешь въ смыслѣ силы живой, желающей дѣйствовать?" Я упоминаю объ этомъ разсужденіи потому, что оно чрезвычайно распространено, и въ подтвержденіе его справедливости можно нерѣдко услышать ссылки на несомнѣнные *факты*. Я самъ знаю такіе факты; но дѣло въ томъ, что они, по моему, объясняются совершенно иначе.

Человѣкъ, отказывающійся отъ бунтовской дѣятельности, сплошь и рядомъ у насъ дѣйствительно *портится*, становится своекорыстнымъ карьеристомъ и загребалой—кулакомъ. Но это есть послѣдстіе тѣхъ воистину превратныхъ идей, по которымъ значится, что, будто бы только бунтуя, уничтожая направо и налѣво, человѣкъ остается *честнымъ*. Эта точка зрѣнія такъ укоренена въ нашихъ понятіяхъ, что человѣкъ рѣдко покидаетъ бунтовство по *убѣжденію*, а большею частію *противъ убѣжденія*, подъ давленіемъ инстинктовъ созрѣвшаго организма. Нашъ умиротворяющій бунтовщикъ не умѣетъ понять ис-

тины, не умѣетъ стать выше привитыхъ идей бунтовства, а только начинаетъ чувствовать, что ему хочется жить получше. Усмиряясь, онъ самъ смотритъ на это, какъ на уступку, какъ на *паденіе*. Но такая перемѣна и выходитъ паденіемъ, а разъ павши, бросивъ идею, которой нелѣпости онъ нисколько не сознаетъ, человѣкъ, разумѣется, махаетъ на все рукой, и опускается все ниже...

Но вѣдь я и обращаюсь не къ слабости, не къ аппетитамъ, не къ эгоизму, а къ совѣсти и разуму... Когда человѣкъ полагаетъ, что его долгъ рвать и метать, я ему только говорю что это ошибка, и, разсудивъ, онъ часто согласится со мной, не въ видѣ уступки, а по сознательному убѣжденію. А тогда—какая можетъ быть *порча?* Человѣкъ съ лѣтами дѣлается, конечно, спокойнѣе, осмотрительнѣе—это неизбѣжно, и въ этомъ нѣтъ ничего плохаго, ибо каждому поколѣнію осмотрительность необходима не менѣе, чѣмъ предпріимчивость. Но странно даже доказывать, что болѣе спокойное и обдуманное служеніе странѣ ни мало не препятствуетъ быть искреннимъ и честнымъ. Достаточно наконецъ взглянуть на факты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ

служитъ мирному развитію не по трусости, а по убѣжденію, онъ у насъ нерѣдко проявляетъ высокія достоинства. Думаю что, порывшись въ воспоминаніяхъ, каждый читатель сумѣетъ найти одинъ, два такіе примѣра. Если ихъ мало до сихъ поръ—вина въ томъ падаетъ на господствующія у насъ теоріи, а не на плохое воспитательное значеніе обдуманной дѣятельности.

VI.

Вопросъ о культурной дѣятельности приводитъ насъ прямо къ вопросу о *Самодержавіи*, о которомъ, впрочемъ, и безъ того необходимо объясниться. Въ настоящее время *) отношеніе къ образу правленія составляетъ чуть ли не самую характеристическую черту революціонеровъ. Разъ человѣкъ противъ „абсолютизма"—онъ „свой", и даже соціалисты не особенно присматриваются къ остальнымъ взглядамъ его. Что касается культурной дѣятельности—о ней хоть не упоминай: „Какая

*) Говорится о 1888 годѣ.

можетъ быть культурная дѣятельность при неограниченной власти?!“

Я, къ несчастью, вѣрю въ искренность этихъ словъ, потому что и самъ ихъ произносилъ, но теперь за то вдвойнѣ стыдно ихъ вспоминать. Нѣтъ въ Россіи бо́льшаго доказательства нашей некультурности, какъ это непониманіе силы ума и знанія и эта неспособность сколько-нибудь самостоятельно оцѣнить достоинства политическихъ формъ. Вопервыхъ, каково бы ни было правительство — оно можетъ отнять у народа все что угодно представить, но не возможность культурной работы (предполагая, что народъ къ ней способенъ). Вовторыхъ, можно ли до такой степени забывать собственную исторію чтобы восклицать: „какая культурная работа при абсолютизмѣ!“ Да развѣ Петръ не царь? А есть ли во всемірной исторіи эпоха болѣе быстрой и широкой культурной работы? Развѣ не царица Екатерина II? Развѣ не при Николаѣ I развились всѣ общественныя идеи, какими до сихъ поръ живетъ русское общество? Наконецъ, много ли республикъ, которыя въ теченіе 25 лѣтъ сдѣлали бы столько преобразованій, какъ сдѣлалъ Императоръ Александръ II?

На всѣ такіе факты у насъ только и находятся жалкія фразы, въ родѣ того что это сдѣлано „вопреки самодержавію“ *). Но если бы даже и такъ: не все ли равно „благодаря“ или „вопреки“, коль скоро прогрессъ, и очень быстрый, оказывается возможенъ?

Я смотрю на вопросъ о самодержавной власти такъ. Прежде всего—это такой результатъ русской исторіи, который не нуждается ни въ чьемъ признаніи, и никѣмъ не можетъ быть уничтоженъ, пока существуютъ въ странѣ десятки и десятки милліоновъ, которые въ политикѣ не знаютъ и не хотятъ знать ничего другаго. Непозволительно было бы не уважать историческую волю народа, не говоря уже о томъ что фактъ, очень прочный въ жизни его,—всегда имѣетъ за себя какія-нибудь вѣскія основанія. Поэтому всякій русскій долженъ признать установленную въ Россіи власть и думая объ улучшеніяхъ, долженъ

---

*) *Примѣч. 1895 г.* Это именно возраженіе, сдѣланное мнѣ эмигрантами. *Л. Т.*

думать о томъ, какъ ихъ сдѣлать съ самодержавіемъ, при самодержавіи.

Одинъ революціонеръ пишетъ мнѣ, что такое дѣйствіе только вредно, такъ какъ люди, въ родѣ Киселевыхъ и Милютиныхъ, вводя коекакія улучшенія, „замедляютъ разрушеніе существующаго строя". Я никакъ не могу согласиться съ этою точкой зрѣнія.

Вопервыхъ, придерживаясь ее, можно сдѣлать упреки не однимъ Киселевымъ и Милютинымъ, а всѣмъ кто способствуетъ развитію Россіи. Развѣ Пушкинъ, Гоголь, Толстой не составляютъ доказательства, что величайшій прогрессъ литературы совмѣстимъ съ Самодержавною Монархіей? Не вредны ли они стало быть? Не полезнѣе ли въ этомъ случаѣ для Россіи авторъ *Англійскаго Милорда Георга?* Не вредный ли человѣкъ Муравьевъ-Амурскій, давшій самодержавію славу укрѣпленія Россіи на Тихомъ Океанѣ? Не полезнѣе ли дѣятельность интендантскихъ воровъ, губящихъ всѣ усилія нашихъ войскъ? Разсуждающіе такъ забываютъ, что форма правленія не исчерпываетъ еще жизни страны.

Каковы бы ни были чьи-либо *личные* политическіе идеалы, обязанность передъ страной заставляетъ извлекать для нея наибольшую пользу изъ всякаго положенія, въ какомъ она находится. Что было бы еслибы мы, повторяя „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, позволили себѣ нарочно искажать и портить дѣйствіе существующаго правительственнаго механизма и привели бы его къ полному распаденію, а между тѣмъ въ то же время оказалось бы, что страна никакой другой формы не вмѣщаетъ? Какъ назвать тогда нашъ образъ дѣйствій? Какъ оцѣнить его результаты?

Впрочемъ, толкуя объ этомъ вопросѣ, необходимо условиться въ исходномъ пунктѣ: чего мы желаемъ, куда хотимъ придти?

Есть на свѣтѣ двѣ концепціи общества и два связанные съ ними идеала. Всѣ люди согласны въ томъ что должны быть обезпечены матеріально, имѣть средства для духовнаго и физическаго развитія, должны быть обезпечены въ своихъ правахъ, въ своей, какъ принято говорить, „свободѣ“. Тутъ спорить не о

чемъ. Но между воззрѣніями на типъ общества существуетъ цѣлая пропасть.

Соціальный организмъ или соціальный аморфизмъ? Вотъ эти двѣ точки зрѣнія. Для однихъ—всякая работа, всякая функція общества отправляется и должна отправляться правильно организованнымъ способомъ, то-есть посредствомъ спеціально къ тому приспособленныхъ учрежденій, вооруженныхъ, конечно, необходимою для дѣйствія компетенціей и властью. Такимъ путемъ совершается человѣческій прогрессъ и развивается общество, строеніе котораго постоянно все усложняется.

Другимъ кажется, будто общество идетъ къ какому-то упрощенію, къ равномѣрному разлитію всѣхъ спеціальностей и всѣхъ формъ власти въ массѣ гражданъ. Функціи учрежденій переносятся на личности, и каждая личность заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю всѣхъ соціальныхъ компетенцій.

Я человѣкъ первой концепціи, и для меня общество, какъ нѣкоторый процессъ органическій, создающій нѣчто цѣлое, все усложняющееся въ своей организованности, — это не

есть идеалъ, это просто фактъ. Свои идеалы общежитія я могу строить только примѣняясь къ этому коренному соціологическому факту.

Возвращаясь къ предыдущему разсужденію,—я прежде всего замѣчу, что всякое измѣненіе въ организаціи центральной власти можетъ быть желательно лишь тогда, когда одно, худшее, замѣняется и *дѣйствительно* замѣняется, а не на словахъ только,—чѣмъ-нибудь лучшимъ. Разрушеніе же ничего не создающее, я считаю вреднымъ, такъ какъ оно лишь ослабляетъ общественный организмъ.

Чѣмъ же критики политическихъ основъ русскаго строя замѣнятъ ихъ? Прежде всего у враговъ нашего строя есть силы развѣ только на то чтобъ его тревожить и мѣшать ему въ правильномъ отправленіи функцій. Уже по одному этому критика выходитъ совершенно безплодною. Еслибы предположить, что какой-нибудь императоръ согласился или минутно былъ вынужденъ на ограниченіе своего самодержавія, это ограниченіе было бы чисто фиктивно, такъ какъ огромное большинство народа всегда готово было бы по первому слову

государя разогнать людей, его яко бы „ограничивающихъ“; стало-быть, власть государя была бы въ сущности ограничена лишь его собственнымъ попущеніемъ. Что же можетъ быть достигнуто такимъ „ограниченіемъ“?

Я скажу, однако, больше. Еслибы какія-либо измѣненія въ нашей системѣ государственнаго управленія и оказывались возможны, о нихъ слѣдуетъ думать съ величайшею осторожностью. Всякая страна нуждается прежде всего въ правительствѣ прочномъ, то есть не боящемся за свое существованіе, и сильномъ, то-есть способномъ осуществлять свои предначертанія. Тѣмъ болѣе нуждается въ немъ Россія съ ея далеко не законченными національными задачами и съ множествомъ внутреннихъ неудовлетворенныхъ запросовъ. Сильная монархическая власть намъ необходима, и думая о какихъ-либо усовершенствованіяхъ, нужно прежде всего быть увѣреннымъ что не повредишь ея существеннымъ достоинствамъ. У насъ многіе мечтаютъ о парламентаризмѣ, но въ немъ есть только одна цѣнная черта—

постоянное обнаруженіе *) народныхъ желаній и мнѣній, а засимъ парламентаризмъ, собственно какъ система государственнаго управленія, именно въ высшей степени неудовлетворителенъ.

Третье замѣчаніе, которое я долженъ сдѣлать—это что *всякое* правительство, если только оно не поставлено въ невозможность дѣйствовать, дѣйствуетъ приблизительно въ томъ направленіи, которое опредѣляется матеріальными условіями страны, и обращающимися въ ней идеями. Вотъ гдѣ нужно искать дѣйствительный источникъ многихъ неустройствъ въ Россіи.

При всякой формѣ правленія откуда можно

---

*) *Прим. 1895 г.* Это выраженіе неточное и не соотвѣтствуетъ тому, что я хотѣлъ сказать въ 1888 г. *Всякое* собраніе людей взятыхъ изъ разныхъ слоевъ населенія обнаруживаетъ мнѣнія и желанія народа, но именно въ формѣ парламентарной это дѣлается *наименѣе*. Парламентаризмъ, какъ система управленія, убиваетъ и то полезное что могъ бы дать, какъ система совѣщанія.

брать людей и мѣропріятія, если не изъ среды образованнаго класса? Самый способный и благонамѣренный правитель можетъ лишь удачно или неудачно *выбирать людей*, но не можетъ самолично рѣшать всѣ вопросы администраціи, соціологіи, политической экономіи. Если слой народа, сосредоточивающій въ себѣ знанія страны, имѣетъ идеи легкомысленныя или хаотическія, или полныя ни къ чему не приложимаго теоретизма—кто виноватъ?

У насъ же *политическая* роль образованнаго класса въ теченіе всего XIX вѣка, а особенно за наше время, далеко не всегда заслуживаетъ аттестата зрѣлости и нерѣдко могла только отнимать у правительства возможность пользоваться образованными силами страны. Не говорю объ исключеніяхъ. Общее же правило состоитъ въ томъ, что молодежь и вообще наиболѣе передовой слой, въ теоріи— витаетъ въ областяхъ совершенно заоблачныхъ, на практикѣ же — кидается въ предпріятія, способныя привести въ отчаяніе государственнаго человѣка: то, смотришь, Русскіе участвуютъ въ польскомъ мятежѣ, то

идутъ въ народъ съ мечтами *о федераціи независимыхъ общинъ* и планами повсемѣстныхъ возстаній, то создаютъ идею и практику *террористической борьбы.* Все это дѣлается съ убѣжденіемъ фанатика, со страстною энергіей: хоть плачь! Старшія же поколѣнія, или болѣе умѣренные—чѣмъ заняты въ это время? Они проявляютъ, какъ правило, полнѣйшую неспособность къ самостоятельной умственной работѣ, и не могутъ создать ничего, способнаго сколько-нибудь дисциплинировать умы молодежи и подчинить ее вліянію какихъ-либо серіозныхъ, научно выработанныхъ доктринъ. Вовторыхъ, эти старшія поколѣнія настолько робки, что даже боятся противорѣчить передовымъ, а иногда и прямо подпадаютъ подъ ихъ вліяніе. Короче—этотъ болѣе умѣренный слой, въ общемъ, оказывается совершенно неспособнымъ руководить движеніемъ умомъ и давать ему направленіе. А между тѣмъ онъ, когда и не мечтаетъ объ ограниченіи верховной власти, — то по крайней мѣрѣ держитъ себя столь не тактично что возбуждаетъ въ этомъ отношеніи подозрѣнія и недовѣріе. Не имѣя силы ни взять, ни удержать конституцію,

онъ, однако, постоянно надоѣдаетъ правительству стонами объ увѣнчаніи зданія, и чтобы доказать необходимость этого увѣнчанія, прибѣгаетъ къ самой тенденціозной пристрастной критикѣ всѣхъ мѣръ, какія бы ни были предприняты правительствомъ. Это вызываетъ понятныя неудовольствія и еще болѣе обостряетъ взаимныя отношенія.

При такихъ условіяхъ прогрессивные элементы, можно сказать, сами себя вытѣсняютъ изъ участія въ управленіи страной. Если они тамъ еще удерживаются, то благодаря личнымъ рабочимъ качествамъ либераловъ, которыя столь же часто высоки, сколько слабы ихъ партійныя отличительныя черты. Кто же виноватъ, что правительство принуждено было брать людей, а стало-быть и системы тамъ, гдѣ могло это сдѣлать безъ опасенія за цѣлость трона, то-есть, напримѣръ у Каткова?

Но Катковъ, который какъ практическій политикъ, обладалъ проницательностью необыкновенною и самостоятельностью мысли, поразительною для Россіи, далеко не былъ творческимъ умомъ въ отношеніи соціальныхъ

вопросовъ *). Испуганный интенсивностью революціоннаго движенія, и безсиліемъ либераловъ, оставаясь весь вѣкъ на аванпостахъ, „противъ теченія", онъ весь ушелъ въ заботу о развитіи чисто внѣшней силы правительства. Въ смыслѣ устроенія онъ ничего не создалъ и если предохранилъ правительство отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, то съ другой стороны немало ихъ и подсказалъ. **)

---

*) *Примѣчаніе 1895 года.* Долженъ оговориться, что теперь, лучше изучивъ публицистическую дѣятельность Каткова, я сталъ гораздо болѣе высокаго мнѣнія о соціальномъ творчествѣ его ума. Онъ *понималъ* удивительно много, но его практическое чутье давало ему возможность понимать также, что въ современной ему Россіи многаго не сдѣлаешь. Онъ и дѣлалъ лишь *главное* въ данную минуту, съ вѣрой въ будущее, которое додѣлаетъ остальное. *Л. Т.*

**) *Прим. 1895 г.* И въ этомъ я былъ несправедливъ къ Каткову. Но не передѣлываю отзыва 1888 года, ограничиваясь лишь оговоркой, что въ то время не могъ знать многаго въ *дѣятельности* Каткова, отчего не оцѣнивалъ въ должной мѣрѣ и его великихъ заслугъ. *Л. Т.*

Недостатки системъ, принимавшихся правительствомъ, падаютъ виной прежде всего на образованный классъ, какъ въ лицѣ его консервативной части, такъ и особенно въ лицѣ его прогрессивныхъ элементовъ. Но пусть эти элементы потрудятся выработать свои собственные планы, собственнымъ умомъ, пусть эти планы, стало-быть, будутъ болѣе сообразны съ дѣйствительностью жизни страны — и они, конечно, получатъ у насъ такой же отзвукъ, какъ и при всякомъ другомъ образѣ правленія.

Таково мое мнѣніе.

VII.

Этими строками я и могъ бы закончить свое объясненіе, такъ какъ изложеніе моей, такъ-сказать, программы не входитъ въ мои цѣли. Но для того чтобъ окончательно опредѣлить мое отрицаніе революціонныхъ идей, я хочу обрисовать въ двухъ-трехъ словахъ хоть нѣ-

которыя стороны того направленія, торжество котораго желалъ бы видѣть въ Россіи.

Революціонное движеніе есть не причина, а только признакъ зла, отъ котораго главнѣйше страдаетъ современная Россія. Зло это, какъ я уже сказалъ, — недостатокъ серіозно выработанныхъ умовъ въ образованномъ классѣ, вслѣдствіе чего вся умственная работа этого класса отличается очень не высокимъ качествомъ. Клеймо недостатковъ, которые создаются *полуобразованіемъ*, *) лежитъ нерѣдко на работѣ даже самыхъ выдающихся талантовъ нашихъ. Вотъ зло, губящее лучшія свойства русской натуры, помогшія когда-то нашимъ предкамъ создать великую страну, которую мы по мѣрѣ силъ расшатываемъ теперь.

---

*) Зло полуобразованія заключается не въ маломъ количествѣ свѣдѣній—у крестьянина ихъ еще меньше—а въ манерѣ ихъ усваивать слегка и съ чужихъ словъ, въ привычкѣ удовлетворяться полузнаніемъ, и т. д., вообще въ плохой дисциплинѣ ума.

Борьба съ этимъ зломъ — и есть, по моему мнѣнію, главнѣйшая задача настоящаго времени. Судьбы Россіи существенно зависятъ отъ того, сумѣетъ ли она, наконецъ, выработать ядро зрѣлыхъ умовъ, достаточно сильное для того, чтобы дать тонъ остальной массѣ образованнаго класса, и намѣтить *собственною* работой, собственною мыслью и изслѣдованіемъ главнѣйшіе пункты устроенія Россіи.

Для этого нужна прежде всего сильная встряска умовъ, нуженъ общій пересмотръ нашихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ.

Говоря это, я, разумѣется, не подумалъ бы обращаться къ молодежи. Эта задача не въ ея силахъ. Обращаться нужно къ старшимъ, верхнимъ слоямъ, которые должны понимать справедливость высказанныхъ мною соображеній. На ихъ обязанности лежитъ созданіе новаго направленія. Обязанность сдѣлать что-нибудь для выработки положительнаго и созидательнаго міросозерцанія лежитъ особенно на моихъ сверстникахъ, намутившихъ, какъ и я, столько „революцій", какъ и я многое

испытавшихъ и, конечно—продумавшихъ. Ихъ опытъ и возрастъ, конечно, научили ихъ многому и пробудили въ нихъ стремленіе къ трезвости мысли *). Тѣ же обязанности лежатъ на другой части нашего поколѣнія, людяхъ достаточно скептичныхъ когда-то, чтобы не позволить „движенію" увлечь себя, и теперь состоящихъ полноправными, нерѣдко почетными членами русскаго общества. Средства мирнаго развитія страны въ ихъ рукахъ. Найдется, наконецъ, не мало піонеровъ, давно пролагавшихъ путь, о которомъ я говорю, но дѣйствовавшихъ въ одиночку, не пытаясь поднять голову и смѣло заявить — что они и есть настоящая соль, предохраняющая отъ разложенія страну, раздираемую борьбой революціонеровъ и реакціонеровъ.

Развитіе русской мысли, науки, особенно въ столь отставшихъ областяхъ соціальной и политической, изученіе страны, обновленіе

---

*) *Примѣч. 1895 г.* Увы! Тщетная надежда, повидимому... *Л. Т.*

русскаго образованія, развитіе и упорядоченіе прессы—это главнѣйшія задачи. Рядомъ съ ними стоитъ развитіе *производительности* труда, техники, улучшеніе формъ труда и т. п. Наконецъ, улучшеніе въ организаціи разныхъ слоевъ населенія, во главѣ чего стоитъ, конечно, приданіе серіознаго и строго практическаго характера мѣстному самоуправленію. Я не останавливаюсь на обрисовкѣ всей этой громадной работы. Отмѣчу только одно обстоятельство.

Для правильнаго хода культурнаго развитія страны необходимо, конечно, содѣйствіе правительственныхъ мѣръ. Невозможно, напримѣръ, надѣяться, чтобы при слабости нашего культурнаго развитія, студенческія волненія прекратились безъ упорядоченія обстановки студенческой жизни. Подавляя безпорядки и вмѣшательство молодежи въ несвойственную ей политическую дѣятельность, слѣдуетъ, однако, удовлетворить законнымъ потребностямъ молодости, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, Франціи и т. д. Нужно чтобы молодежь могла учиться, разсуждать,

нужно чтобы она жила веселѣе и полнѣе, и т. д. Безъ соотвѣтственныхъ мѣръ правительства или по малой мѣрѣ безъ величайшей осторожности въ выборѣ попечителей, инспекторовъ — усилія наиболѣе благонамѣренныхъ людей будутъ разбиваться о раздраженное состояніе умовъ студенчества. Точно также недостаточная свобода научнаго изслѣдованія мѣшаетъ созрѣванію русской мысли. Конечно, жалобы на цензуру чрезвычайно преувеличены, и въ общей сложности работа русскаго ума находитъ возможность проявляться въ нашей литературѣ. Однако, русская наука такъ еще слаба что даже малѣйшая помѣха ея развитію была бы несомнѣнно вредна *). Устра-

---

*) *Примѣч. 1895 г.* Я это и теперь повторяю, хотя лучше прежняго знаю, какъ много нашихъ патентованныхъ „ученыхъ“ пользуются „свободой“ только для хлесткихъ публицистическихъ статеекъ. Но не могу также не прибавить, что свобода научнаго изслѣдованія у насъ стѣсняется главнымъ образомъ не цензурою, а чрезвычайно деспотическимъ „общественнымъ

нить эти помѣхи властно одно правительство. Точно также земство напримѣръ. Его современная организація явно неудовлетворительна, и ставитъ его въ неизбѣжную опозицію съ администраціей. Сліяніе земства съ администраціей, то есть расширеніе области его вѣдѣнія, съ подчиненіемъ необходимому контролю и отвѣтственности, вообще приданіе ему значенія нѣкотораго органа правительства—устранило бы много недоразумѣній и много источниковъ недовольства *). Но какъ

мнѣніемъ" либеральнаго слоя, лишеннаго даже искры уваженія къ работѣ мысли человѣческой, вѣнчающаго лаврами всякое искаженіи науки, если оно партійно выгодно, и наоборотъ—тяжко давящаго на всякое слово, выходящее изъ рамокъ партійной „истины". На *это* рабское состояніе нашихъ профессоровъ иной разъ жаль и совѣстно смотрѣть. *Эти* помѣхи властно устранить только само общественное мнѣніе. *Л. Т.*

*) *Прим. 1895 г.* Какъ извѣстно, на этотъ путь и вступило правительство. Замѣчательна неразвитость нашихъ „либераловъ", ставшихъ ему поперекъ дороги именно въ этой важнѣйшей реформѣ. *Л. Т.*

сдѣлать это безъ посредства правительства? Такимъ образомъ самъ собою выдвигается на сцену вопросъ, такъ сказать, политическій. Какъ быть съ нимъ?

Я именно по этому поводу и хочу сказать нѣсколько словъ. Мы въ этомъ отношеніи настоящіе faiseurs d'embarras и сами себѣ создаемъ страхи и препятствія. Вездѣ, во всѣхъ странахъ, при всѣхъ формахъ правленія, задача—довести своевременно до свѣдѣнія центральнаго правительства нужды страны и побудить его принять необходимыя преобразованія—одна изъ самыхъ трудныхъ. Напомню, однако, что мы имѣемъ въ своей исторіи нѣсколько блестящихъ реформаціонныхъ эпохъ. Если въ современномъ положеніи Россіи, по мнѣнію ея гражданъ, есть дѣйствительно мѣсто серіознымъ реформамъ—нужно стараться ихъ получить, какъ это дѣлаютъ во всякой другой странѣ, то есть сообразно съ существующими законными путями политическаго дѣйствія.

Источникъ власти законодательной и исполнительной—по русскимъ законамъ—есть госу-

дарь страны. Въ странахъ республиканскихъ этимъ источникомъ являются избиратели. Въ обоихъ случаяхъ политическое дѣйствіе, изъ какого бы источника ни исходило, проявляется не иначе какъ посредствомъ извѣстныхъ учрежденій. Эти учрежденія въ Россіи представляютъ не менѣе способовъ къ дѣятельности, чѣмъ въ другой странѣ. У насъ есть Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Министерства, съ разными добавочными органами и цѣлымъ рядомъ постоянно существующихъ коммиссій. Не говорю уже объ общественной дѣятельности не оффиціальнаго характера, какъ, напримѣръ, публицистика, работа при посредствѣ разныхъ ученыхъ обществъ и т. п. Партіи законнаго прогресса представляется очень широкое поле дѣйствія. Пусть ея люди служатъ, работаютъ, пусть они имѣютъ всегда готовую систему, приспособленную къ нуждамъ положенія, и практичность которой можетъ быть доказана Государю. Въ минуту, когда Императоръ рѣшитъ призвать ко власти прогрессивную партію (что онъ непремѣнно будетъ дѣлать отъ времени до времени, разъ только убѣдится что эта партія искренно признаетъ

его верховныя права),—партія прогресса должна быть готова оправдать призывъ и сдѣлать по устроенію Россіи дѣйствительно все что можно. Развѣ мы не видали, къ сожалѣнію, какъ лица, призванныя ко власти, оказывались, несмотря на свою всероссійскую репутацію, совершенно безъ системы и сами не знали что дѣлать? Я не хочу никого въ отдѣльности обвинять за то, въ чемъ виноваты всѣ, а отмѣчаю лишь фактъ, какихъ бы не должно случаться. Министерства существуютъ не для обученія кого нибудь политической грамотѣ, а для удовлетворенія нуждъ страны. Къ дѣлу нужно подготовляться заранѣе. А затѣмъ если Верховная власть—по какимъ бы ни было соображеніямъ—считаетъ болѣе удобнымъ обратиться къ другимъ людямъ — что дѣлать? Остается только покориться, и воспользоваться временемъ свободы отъ власти—для серіознаго подготовленія къ слѣдующему разу. Не такъ ли поступаетъ Гладстонъ потерявшій большинство въ палатѣ? При всякомъ источникѣ власти есть моменты движенія впередъ, моменты застоя, моменты реакціи. Тутъ нечего ни унывать, ни возмущаться, а нужно про-

сто работать, принявъ за правило—искать причинъ своей неудачи сначала въ самихъ себѣ, а ужъ потомъ въ другихъ *).

КОНЕЦЪ.

---

* *Примѣч. 1895 г.* Понятно что я подразумѣвалъ подъ „прогрессивною партіей“ не нашихъ банальныхъ либераловъ, а тотъ слой людей „развитія“, которыхъ появленія еще только ожидалъ. За послѣдніе годы они, въ то время едва замѣтные, стали гораздо болѣе многочисленны, и тѣмъ болѣе значенія получаютъ въ моихъ глазахъ вышеизложенныя соображенія. *Л. Т.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Таково было содержаніе брошюры моей, которое я перепечатываю буквально, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, требовавшихъ, какъ я пояснилъ выше, измѣненія.

Она имѣла, сверхъ того, два приложенія, которыя были бы непонятны читателямъ безъ большихъ дополненій. Дѣло въ слѣдующемъ. Эмигранты, съ Лавровымъ во главѣ, пытаясь охранить свое стадо отъ моего „вреднаго" вліянія, всѣми силами старались подорвать меня *лично*. Старая, обычная тактика, съ которою мнѣ пришлось въ послѣдствіи столк-

нуться и въ Россіи. Однако, противъ меня, человѣка, пользовавшагося въ своей средѣ едвали не наиболѣе безукоризненной репутаціей, трудно было что-либо выдвинуть. Поэтому гг. эмигранты прибѣгли къ разнымъ темнымъ инсинуаціямъ на тему о якобы *внезапности* измѣненія моихъ взглядовъ. Это была съ ихъ стороны ложь вполнѣ сознательная. Еще посторонняя публика могла не знать моего перелома и даже прежнихъ моихъ взглядовъ въ ихъ дѣйствительной полнотѣ. Но собственно эмигрантамъ, особенно Лаврову и его ближайшимъ друзьямъ, мое все болѣе нароставшее отреченіе отъ революціи было такъ прекрасно извѣстно, что они уже давно старались даже не допускать ко мнѣ пріѣзжей молодежи. Говорить прямо, что я уже не *ихъ* человѣкъ было для нихъ невыгодно, конечно, потому что, за исключеніемъ, можетъ быть, самого Лаврова, не было ни одного человѣка, кому „радикальная" молодежь вѣрила болѣе нежели мнѣ. Мое отреченіе отъ революціи могло многихъ заставить также покинуть ее. Поэтому Лавровъ съ К°, продолжая выставлять меня „своимъ", говорили только что я человѣкъ

больной, нуждаюсь въ спокойствіи, охраняю свое уединеніе и не люблю посѣтителей. Я въ это время жилъ далеко отъ Парижа, въ глухой мѣстности, и дѣйствительно не любилъ видѣться съ эмигрантами, погруженный въ свои занятія и размышленія. Да и здоровье мое было сильно расшатано. Но *Русскихъ* изъ Россіи я всегда принималъ охотно и постоянно отговаривалъ ихъ отъ участія въ революціи, а многимъ эмигрантамъ совѣтовалъ подавать прошенія о возвращеніи на родину. Слушая мои разсужденія, давно уже мои русскіе собесѣдники съ удивленіемъ говорили: „Да онъ ярый монархистъ". Такимъ образомъ и о „внезапности" измѣненія моихъ взглядовъ трудно было говорить. Поэтому Лавровъ не постыдился прибѣгнуть къ подтасовкѣ „документовъ". Онъ именно ссылался, въ доказательство моего якобы недавняго яро-революціоннаго настроеніе въ 1886 году, на одно мое „письмо" ему и на одну статью „мою" въ заграничномъ журналѣ... Въ дѣйствительности „письмо" было вовсе не письмо, а бѣглая записка въ 5 — 6 строкъ, содержавшихъ вовсе не выраженіе моихъ взглядовъ, а про-

сто упрекъ пустомелямъ „революціи", которые не читаютъ даже собственныхъ партійныхъ изданій. Конечно, 5 — 6 строкъ, бѣгло набросанныхъ, и не для публики, а для человѣка, который съ полуслова понимаетъ вашу мысль,—всегда могутъ подвергнуться, при желаніи, недобросовѣстному истолкованію. Это и сдѣлалъ Лавровъ. Еще замѣчательнѣе указаніе его на „мою" статью. Въ дѣйствительности ее писалъ *самъ Лавровъ*... *Я* же ее и увидалъ только уже въ печати. Мою вину составляло лишь то, что я понадѣялся на добросовѣстность Лаврова. Дѣло въ слѣдующемъ. Послѣдній нумеръ изданія, въ которомъ я участвовалъ вмѣстѣ съ Лавровымъ, замедлилъ выходомъ вслѣдствіе одного скандальнаго происшествія, о которомъ неудобно входить въ подробныя объясненія. Нужно было, конечно, сообщить объ этомъ читателямъ. Лавровъ присталъ ко мнѣ, чтобъ это сдѣлалъ непремѣнно *я*. Я указывалъ что безразлично, кто ни напишетъ, но лукавый старикъ настойчиво просилъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что вѣдь и я былъ участникомъ предпріятія. Между тѣмъ, у меня дома, по случаю разныхъ болѣзней, былъ

такой хаосъ что мнѣ было совсѣмъ не до писанья. А написать нужно было *немедленно*. Тогда онъ предложилъ, что напишетъ нѣсколько строкъ самъ, за меня. Неловко было мнѣ выказать отказомъ явное недовѣріе старику, да правду сказать—и чему тутъ было не довѣрять? Нѣсколько строкъ фактическаго заявленія, казалось, не представляли никакого риска, и я согласился, чтобы не задерживать ликвидаціи изданія, прекращеніе котораго рвало послѣднія нити моихъ невольныхъ связей съ революціонными „дѣятелями". Однако, я все-таки чувствовалъ себя не спокойно. Собственно нечестности въ отношеніи меня я не ждалъ, но „для вѣрности" все - таки улучилъ минуту, и не болѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ отправилъ свое *собственное* маленькое заявленіе. Оказалось, однако, поздно. Лавровъ съ величайшею поспѣшностью настрочилъ *за меня* ярую статейку и немедленно сдалъ ее въ наборъ... Всѣ окружавшіе насъ знаютъ какъ недоволенъ былъ я этимъ и какъ бранилъ эту не только ярую, но и глупую замѣтку, когда увидѣлъ ее въ печати. Такъ вотъ на *эту*-то свою собственную, мнѣ даже невѣдо-

мую, статью Лавровъ и ссылался въ 1888 году для характеристики *моихъ* взглядовъ въ 1886 году!

Въ разоблаченіи такихъ слишкомъ уже нечестныхъ пріемовъ борьбы и въ увѣщаніи Лаврова съ К° держаться болѣе добропорядочно и состояли приложенія къ брошюрѣ. Нужно сказать, впрочемъ, что я металъ мой „бисеръ“ совершенно безполезно. Это было отчасти даже наивно съ моей стороны. Но я тогда находился въ особомъ идеалистическомъ настроеніи. Выйдя изъ жестокой внутренней ломки хотя измученный, но, такъ-сказать, побѣдителемъ надъ самимъ собой, я былъ настроенъ очень оптимистически и въ отношеніи другихъ. Мнѣ казалось,—какъ не разбудить въ людяхъ честности мысли и совѣсти? Вѣдь люди же это, такіе же люди. Чѣмъ они хуже меня? Само собою, ничего и ни въ комъ не разбудилъ я, и говорю это не въ осужденіе кому бы то ни было. Не чужими словами и увѣщаніями пробуждается человѣкъ, а своимъ внутреннимъ развитіемъ, и пока оно не наступило—безплодны чужія слова, какъ они

были бы безплодны и для меня самого еще нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ.

Эти чужія слова хороши только какъ вспомогательное средство для тѣхъ, у кого уже начался внутренній процессъ пробужденія. Такихъ людей было слишкомъ мало въ 1888 году, но ихъ стало гораздо больше теперь, къ 1895 году. Для нихъ-то, думаю, мои объясненія, рисующія ходъ моего внутренняго перелома, могутъ оказа́ться не безполезнымъ матеріаломъ, знакомство съ которымъ поможетъ имъ разобраться въ самихъ себѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Нѣсколько замѣчаній на полемику эмигрантовъ *).

Въ теченіе почти цѣлаго года я былъ предметомъ ожесточенной полемики русскихъ эмигрантовъ Парижа и Швейцаріи. Объясненій по этому поводу я не подумалъ бы переносить въ предѣлы отечества, еслибъ это не было сдѣлано раньше, помимо меня. Притомъ стремле-

---

*) Напечатано въ *Моск. Вѣд.* №№ 74, 76 за 1889 годъ.

ніе эмигрантовъ уничтожить меня имѣетъ цѣлью собственно повлiять на слои молодежи, еще доступные, къ сожалѣнiю, ихъ влiянiю. Нѣкоторое объясненiе становится для меня необходимымъ.

Это объясненiе я обращаю по преимуществу къ русской молодежи, даже къ тѣмъ „товарищамъ въ Россiи“, которымъ г. Лавровъ пишетъ свое *Письмо* обо мнѣ. Я не обращаюсь къ своимъ эмигрантскимъ оппонентамъ не по отсутствiю „общей почвы“ въ смыслѣ идей или желанiй, чѣмъ г. Лавровъ объясняетъ невозможность спорить со мною (стр. 2—3, *Письмо къ товарищамъ въ Россiи)* Такiя соображенiя имѣли значенiе для книжниковъ и фарисеевъ, инквизиторовъ и т. п. Для меня въ дѣлѣ опредѣленiя истины не существуетъ ни Iудеевъ, ни Эллиновъ. Я вѣрю, что два человѣческiя существа всегда могутъ найти *общую почву* въ видѣ правды фактической, нравственности и общечеловѣческихъ интересовъ. Единственное условiе необходимое при этомъ, есть добросовѣстность, искренность, рѣшимость спорить честно. Поэтому я не усомнился об-

ратиться къ разуму и совѣсти эмигрантовъ и революцiонеровъ въ своей брошюрѣ: *Почему я пересталъ быть революцiонеромъ.*

Къ сожалѣнiю, мои противники именно отказались отъ добросовѣстнаго разсужденiя. Они избрали иную систему. Они стараются изолировать меня, достигнуть того чтобы меня не слыхали, не читали. Въ этомъ смыслѣ поставлена на ноги вся ихъ „партiйная дисциплина". Въ полемикѣ же они оперлись на распространенiи выдумокъ и клеветъ, перешедшихъ всѣ предѣлы того, что я могъ себѣ представить.

По словамъ нѣкоего Свѣтлова (*Cri du Peuple,* 21 августа) я просто продался, соблазненный „лаврами и рублями Каткова"; онъ меня называетъ traître, прибавляя qui dit traître dit policier; онъ выражаетъ опасенiе доносовъ съ моей стороны.

Г. Серебряковъ, который мнѣ еще недавно говорилъ: „Что скромничать! Вы сами знаете, что вы единственный человѣкъ способный сказать новое слово", — теперь рисуетъ своимъ

читателямъ яко бы исторію моего развитія, изъ которой явствуетъ, что я былъ всегда ничтожностью, руководимою великими товарищами и немедленно павшей изъ страха предъ правительствомъ, какъ только не стало означеннаго руководства (*Открытое письмо Льву Тихомирову,* стр. 2—3).

П. Лавровъ не отстаетъ отъ своихъ молодыхъ друзей. Онъ не стыдится сравнивать меня съ Дегаевымъ, замазывая по обыкновенію смыслъ своихъ фразъ, но тѣмъ вѣрнѣе бросая зерно клеветы, которая должна пышно разрастись на почвѣ вырабатываемыхъ имъ воспаленныхъ умовъ. Нечего стѣсняться: „Л. А. Тихомировъ—*чужой*“, повторяетъ онъ нѣсколько разъ, съ ожесточеніемъ средневѣковаго раввина подчеркивая слово *чужой*. Онъ находитъ законнымъ негодованіе тѣхъ „кто слишкомъ возмущенъ чтобы думать въ этомъ случаѣ о справедливости“ (стр. 31). Я поэтому „долженъ ожидать всѣхъ послѣдствій своего *поступка*“ (31 стр.). Онъ взываетъ къ репрессивнымъ мѣрамъ: „Еслибы каждый сторонникъ соціалистическаго дѣла былъ увѣренъ

что его товарищи не простятъ ему ни одного поступка вреднаго значенію партіи..., онъ во многихъ случаяхъ не рѣшился бы на этотъ поступокъ". (стр. 3). И послѣ всего этого анаѳематствованія П. Лавровъ объявляетъ моею же особенною виной, что я будто бы изъ лагеря *гонимыхъ* перешелъ въ лагерь *гонителей* (стр. 31). Это я—оболганный, отдаваемый на потокъ, на мщеніе, я же оказываюсь въ числѣ гонителей г. Лаврова съ товарищами!

Поставивъ полемику на такую почву что со мной собственно „спорить нечего" (стр. 2—4), а нужно только искать оружія противъ меня (стр. 8), мои противники не стѣсняются создавать его. То являются двусмысленныя petits papiers; то какіе-то анонимные „товарищи" (можетъ-быть изъ тѣхъ, что я не пускалъ къ себѣ на порогъ) свидѣтельствуютъ, что не замѣчали во мнѣ никакой внутренней борьбы. „Свидѣтели" противъ меня, въ родѣ упомянутаго г. Серебрякова, совершаютъ всевозможныя „неточности" въ показаніяхъ.

Одинъ, напримѣръ, пишетъ въ брошюрѣ *Революція или эволюція*, что онъ пораженъ

неожиданностью моего переворота въ оцѣнкѣ терроризма и революціи; онъ протестуетъ противъ меня и разоблачаетъ меня. А между тѣмъ этотъ самый человѣкъ, годъ предъ тѣмъ, участвовалъ со мной вмѣстѣ въ выработкѣ программы одного несостоявшагося журнала. Въ основаніи программы было положено соображеніе, что въ русскихъ политическихъ взглядахъ нѣтъ идеи которая отличалась бы одновременно широтой и *положительностью;* выработка этого *здороваго* міросозерцанія ставилась задачей журнала, который заявлялъ себя *внѣ партій*. Мирный исходъ изъ разныхъ затрудненій настоящаго признавался не только *желательнымъ*, но и *возможнымъ*. Терроризмъ опредѣлялся какъ „явленіе болѣзненное и даже весьма опасное“, между прочимъ, потому что искажаетъ идеи. И вотъ человѣкъ который все это читалъ и знаетъ *лично*, что именно я употреблялъ всѣ усилія придать журналу чисто культурный характеръ и изгнать изъ программы революціонную точку зрѣнія,—онъ теперь протестуетъ противъ „неожиданности“, какъ будто и дѣйствительно ничего не знаетъ.

Есть ли въ такихъ лжесвидѣтеляхъ хоть искра совѣсти?

Точно также Лавровъ цитируетъ одну мою записку, яко бы доказывающую мою революціонность, тогда какъ я съ этимъ самымъ человѣкомъ, о которомъ шла рѣчь въ запискѣ, говорилъ настолько откровенно, что онъ повсюду называлъ меня *монархистомъ*.

Точно также „группа народовольцевъ“, въ доказательство моей революціонности, ссылается на заявленіе, написанное не мною, а Лавровымъ и мною даже не читанное—фактъ извѣстный рѣшительно всѣмъ меня тогда окружавшимъ.

Я упоминаю обо всѣхъ этихъ дрязгахъ только для того, чтобы показать читателямъ невозможность для меня объясняться (иначе какъ предъ формальнымъ судомъ) съ такими полемистами и „свидѣтелями“. Дѣло не въ отсутствіи общей идейной почвы, а въ томъ что гг. эмигранты освобождаютъ себя отъ всякихъ „путъ“ добросовѣстности.

Но съ читателями я долженъ объясниться.

Почему собственно гг. эмигранты находятся въ такомъ негодованiи противъ меня? Въ ихъ состоянiе умовъ не безполезно вдуматься. Оно представляетъ хорошiй образчикъ наивнаго самомнѣнiя, соединеннаго съ крайней ничтожностью мысли.

Революцiонеры совершенно искренно убѣждены, будто бы они идутъ въ первыхъ рядахъ историческаго прогресса. По ихъ понятiямъ, развитiе человѣка приближаетъ его къ нимъ, отдаленiе же отъ нихъ есть пониженiе. Между г. Тихомировымъ, говоритъ Лавровъ, и „работниками мирнаго прогресса" въ Россiи разница огромная. Къ нимъ нельзя одинаково относиться. „Иные изъ нихъ (работниковъ мирнаго прогресса) могутъ быть завтра въ нашихъ рядахъ, поясняетъ онъ, и мы примемъ ихъ съ радостью (какая честь!)... Ихъ ошибка въ томъ что они *не достаточно далеко* пошли, но они не отступали; нiчто не мѣшаетъ имъ пойти дальше (еще бы!) Положенiе Л. А. Тихомирова совсѣмъ иное. *Онъ видѣлъ—и отвернулся.* Онъ былъ въ первыхъ рядахъ и оступилъ" (стр. 31).

Вотъ собственно въ чемъ дѣло и въ чемъ мое преступленіе. Изложенная моимъ оппонентомъ историческая концепція обща всему революціонному міру. Не только г. Лавровъ, но первые встрѣчные самоучки рабочіе изъ анархистовъ, кое-какъ воспитавшіеся на популярныхъ брошюркахъ, точно также совершенно убѣждены что за нихъ какая-то „наука", съ ними свобода, прогрессъ и т. д.

Но вѣдь я именно утверждаю, что нѣтъ ничего фантастичнѣе этихъ претензій. На самомъ дѣлѣ революціонное міросозерцаніе есть выводъ изъ самаго ничтожнаго числа фактовъ, и притомъ не точно констатируемыхъ. Это одинаково вѣрно относительно П. Лаврова, какъ и гг. Серебряковыхъ и Симоновскихъ съ К°, потому что для обоснованія своихъ взглядовъ онъ пользуется ничуть не большимъ числомъ фактовъ чѣмъ эти послѣдніе; остальныя свои знанія онъ чисто механически пристегиваетъ къ теоріи, или оставляетъ совершенно въ сторонѣ. Вотъ почему аргументація у всѣхъ ихъ одинаково банальна и поверхностна.

Прежде и я думалъ по той же системѣ,

какъ г. Лавровъ, то-есть не пользовался большею частью того, что видѣлъ, о чемъ читалъ. Мой „поступокъ" въ сущности только въ томъ и состоитъ, что я наконецъ рѣшился видѣть то, на что смотрѣлъ, и тутъ неизбѣжно вышло „отпаденіе".

Именно, какъ справедливо выражается мой критикъ, я видѣлъ — и отвернулся. Безъ сомнѣнія! И какъ же было не отвернуться увидавши?

Я, упрекаетъ онъ, „былъ въ первыхъ рядахъ и отступилъ". Конечно, не зная что дѣлается „въ первыхъ рядахъ", я, какъ многіе другіе, быть можетъ, жилъ бы простымъ *довѣріемъ* къ нимъ, а потому не позволилъ бы себѣ думать и такимъ образомъ на вѣкъ бы могъ остаться во власти „передовыхъ идей". Но видя факты и не боясь выводовъ, я не могъ не „отступить". Я не могъ, разъ началъ думать, не сознаться предъ собой что сплошь и рядомъ „революціонная практика" есть преступленіе, иногда ужасающее, а теоріи всегда незрѣлы, схематичны, иногда безусловно нелѣпы.

Выйдя изъ-подъ власти схемъ и клише, я не могъ не видѣть, что мое отступленіе отъ „революціи“ не только не есть отступленіе отъ свободы и развитія, но совершенно наоборотъ. Гг. Лавровы на самомъ дѣлѣ вовсе не идутъ „впередъ“, указывая путь человѣчеству, а просто блуждаютъ *по сторонамъ* этого пути, не только топчась десятки лѣтъ кругомъ да около, на одномъ мѣстѣ, но иногда уходя далеко назадъ сравнительно съ остальнымъ человѣчествомъ. Они не ведутъ исторію, а составляютъ побочный продуктъ историческаго хода развитія, отбрасывающаго направо и налѣво непригодные элементы. Настоящая живая сила исторіи находится именно въ тѣхъ „мирныхъ работникахъ“, къ которымъ гг. Лавровы относятся *у насъ* съ такимъ пренебрежительнымъ снисхожденіемъ.

Я говорю „у насъ“, потому что это не вездѣ такъ. Желалъ бы я видѣть революціонера, который бы сказалъ Тэну или Пастэру что имъ *ничто не препятствуетъ* перейти въ „партію“!.. Онъ навѣрное услыхалъ бы въ отвѣтъ: „любезный другъ, повѣрьте что намъ труднѣе сдѣ-

латься революціонерами, нежели вамъ перестать имъ быть, такъ какъ для насъ невозможно перейти на низшую, менѣе зрѣлую стадію міросозерцанія, вамъ же если и не легко, то можетъ-быть возможно подняться на высшую". Характеристично, что Лавровъ этого очевидно не понимаетъ и серіозно говоритъ, будто я лишь *голословно* обвиняю революціонное міросозерцаніе въ нереальности. Удивительное дѣло! Я бы еще понялъ, еслибы Лавровъ началъ отстаивать важность безсознательныхъ историческихъ движеній, но не понимать фантастичности революціонныхъ представленій и оцѣнокъ—это по истинѣ невѣроятно...

Но если Лаврову трудно усваивать новыя оцѣнки, чуждыя его поколѣнію, то это всё же не даетъ ему права прибѣгать къ недостойнымъ пріемамъ борьбы противъ меня. Человѣкъ думавшій обязанъ понимать, что и другія поколѣнія имѣютъ право мыслить, и манера бросать въ нихъ за это грязью—ничѣмъ не извинительна. Въ каждомъ поколѣніи этимъ занимаются вовсе не лучшіе его представители.

Возвратимся, однако, къ претензіямъ революціонеровъ изображать изъ себя авангардъ человѣчества. Посмотримъ стоятъ ли эти люди дѣйствительно *впереди?* Идя за ними, придемъ ли мы къ чему-нибудь *высшему?* Надѣюсь, что идти впередъ значитъ идти къ развитію силы, къ совершенствованію нравственному и умственному, къ осуществленію справедливости... Къ этому ли ведетъ Лавровъ съ товарищами? Не могу согласиться.

Въ нравственномъ отношеніи я прямо нахожу, что идеи Лаврова приводятъ лишь къ къ нѣкоторому возрожденію чрезвычайно первобытныхъ, несовершенныхъ формъ морали. Вмѣсто братства общечеловѣческаго и справедливости высшей, царящей надо всѣми частными (въ томъ числѣ и кружковыми) интересами, Лавровъ воскрешаетъ ветхозавѣтную кружковую солидарность. При этомъ внутри кружка (или партіи) развиваются отношенія очень тѣсныя, но весь остальной, внѣшній, такъ-сказать, міръ является нѣкоторыми *гоями*, гяурами, возрождается нѣчто въ родѣ понятія о *hostes*, о *Нѣмцахъ*, нѣмыхъ, съ которы-

ми Лавровы не могутъ даже и объясняться (нѣтъ общаго языка). Безъ сомнѣнія этотъ внѣшній міръ они имѣютъ въ виду „спасти", но, вопервыхъ, гуртомъ, въ видѣ человѣчества, отдѣльныя же лица, подходящія подъ рубрику „враговъ соціализма", не имѣютъ права ждать даже справедливости. Въ отношеніи ихъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, революціонеры позволяютъ себѣ забывать даже требованія чести. Вовторыхъ, въ дѣлѣ „спасенія" ко внѣшнему міру не проявляется ни искренности, ни уваженія.

Я вспоминаю послѣднюю рѣчь Лаврова о „*роли и формахъ соціалистической пропаганды*". Если выразить его мысль ясно, безъ обычныхъ недомолвокъ, онъ учитъ (стр. 5) въ сущности такой системѣ: „мелкаго буржуа" натравить на „промышленнаго магната", а рабочаго—на „патрона", то-есть на того же мелкаго буржуа. Космополитическому соціалисту рекомендуется обращаться даже къ патріотизму, если это выгодно (для „дѣла"). „Будетъ ли во всѣхъ этихъ случаяхъ пропагандистъ употреблять терминъ „„соціализмъ""

или нѣтъ, это все равно", прибавляетъ премудрый учитель. „Важно лишь то, чтобы въ умахъ развивались идеи, подкапывающія вѣру въ неизмѣнность существующаго порядка вещей и указывали бы путь къ борьбѣ противъ этого порядка" (стр. 6). Эти прекрасныя правила молодой послѣдователь „соціалистической нравственности" перенесетъ конечно и на „возбужденіе бунтовъ" и „террористическіе факты", ибо ни то ни другое, по Лаврову, не противорѣчитъ соціалистической пропагандѣ, лишь бы принимать въ соображеніе „на кого имѣется въ виду дѣйствовать, вызывая бунтъ, поражая воображеніе общества террористическими фактами" (ib стр. 10). При всемъ этомъ не подымается даже и вопроса о *справедливости*. Лавровъ учитъ думать лишь о *цѣлесообразности* съ точки зрѣнія осуществленія его идеи. Чистокровный духъ іезуитизма проникаетъ насквозь всю эту пропаганду, въ которой совершенно отсутствуетъ уваженіе къ мысли, совѣсти и свободѣ другихъ, будь это отдѣльныя личности или хоть сотня милліоновъ людей объединенныхъ одною вѣрой, одною идеей.

Доказывая въ своей брошюрѣ преступность терроризма, я сказалъ, что каждый долженъ признать установленныя народомъ формы власти, и что ниспровергая ихъ насильственно мы совершаемъ дѣйствіе тиранническое. На это Лавровъ возражаетъ что признавать нужно лишь *истинные* (подчеркнуто у него) интересы народа, а вовсе не „привычныя, хотя бы для милліоновъ, формы мысли и жизни“. Предъ народомъ, „печальная исторія котораго не дала ему надлежащимъ образомъ развиться“, революціонеръ не долженъ „пассовать“ (*Письмо*, стр. 10). И еслибы рѣчь шла только о свободѣ пропаганды, а то вѣдь я именно ея не касался, а говорилъ противъ *насильственныхъ* дѣйствій. Это на ихъ защиту выступаетъ Лавровъ. А какъ узнать, какія потребности народа *истинныя*, какія нѣтъ? Это опредѣляется опять же не народомъ, а самими революціонерами. Засимъ, если народъ не согласенъ признать справедливость ихъ опредѣленія—тѣмъ хуже для него: его принудятъ—принудятъ силой; его святыню будутъ разрушать кинжаломъ, динамитомъ. „Передовой“ кагалъ можетъ позволять себѣ все что взду-

маетъ, потому что одно дѣло—права „свѣточей“, а другое дѣло — права „чужихъ“, необрѣзанныхъ...

Насколько такая двойственная „мораль“ выгодна съ боевой точки зрѣнія—до меня не касается, но, какъ ученье нравственное, подобныя „передовыя“ идеи насъ, очевидно, относятъ на тысячи лѣтъ назадъ, ко временамъ до-христіанскимъ. Несомнѣнно также, что съ такою общею моралью, основанною на презрѣніи къ чужому праву, невозможно быть истинно-нравственнымъ и внутри своего кружка, какъ бы ни былъ онъ, видимо, сплоченъ и матеріально солидаренъ. Достаточно вспомнить, до какой степени здѣсь не допускается свобода совѣсти и какого напряженія дисциплины, какого надзора за членами кружка требуетъ самъ Лавровъ: „Способы которыми соціалистъ добываетъ себѣ насущный хлѣбъ, говоритъ онъ, его пріятельскія сношенія и личныя знакомства, его *интимная семейная жизнь* (?), ни о чемъ этомъ онъ не можетъ сказать—это мое дѣло и больше ничье“ (стр. 17). Товарищи должны слѣдить за всѣмъ отъ улицы до спальни и

строго подавлять всѣ уклоненія отъ предписаннаго.

Все это не только нечистоплотно, но также очень архаично, очень *отстало* въ сравненіи съ тою уже достаточно отдаленною эпохой, когда христіанство, освящая авторитетъ общественной власти, тѣмъ самымъ освятило духовную свободу личности, которыя Лавровъ стремится одновременно уничтожить. Не впередъ ведетъ такое ученіе! Чтобы не замѣчать этого, нужно быть уже очень забитымъ и огрубѣлымъ.

Въ отношеніи умственномъ также трудно признать притязанія Лаврова съ товарищами. Перечитывая ихъ писанія, невольно вспоминаешь купца Глѣба Успенскаго на старообрядческомъ соборѣ: „Упаси Господи! Что ни скажутъ слово, нѣтъ тому слову меньше 200 лѣтъ отъ роду". Я ихъ „передовыя" слова помню еще со школьной скамьи. И не мудрено, потому что какой работы мысли ждать тамъ гдѣ уже все извѣстно, рѣшено, гдѣ не о чемъ думать да и не позволяется думать. Какъ въ отношеніи нравственномъ требованія

справедливости стираются въ „передовыхъ“ слояхъ предъ „интересами партіи“, такъ развитіе мысли и творчества оттираются у нихъ назадъ изъ соображеній, какъ бы не потрясти основъ партійной пропаганды. Интересы „революціоннаго дѣйствія“ поглощаютъ все, а совѣсть и мысль одинаково лишены всѣхъ правъ.

Что же тутъ новаго, передоваго? Все это практикуется съ поконъ вѣковъ, съ тою разницей что власти обыкновенно гораздо болѣе терпимы, и притомъ извѣстная цензура понятна въ государствѣ, такъ какъ цѣль государства не столько развитіе будущаго, сколько поддержаніе общественной жизни въ ея настоящемъ, откуда вытекаетъ необходимость извѣстной охраны и репрессіи. Но цензура— и еще столь безпощадная—въ партіи, претендующей пересоздать міръ на основаніи всевозможныхъ свободъ—это противорѣчитъ само себѣ и вводитъ въ критику, полемику и во все мышленіе „партіи“ нѣчто софистическое, неискреннее. Люди кричатъ противъ цензуры, а сами являются истинными инквизиторами.

Я—живой примѣръ того, какъ безмѣрны въ этой средѣ привычки уничтожать все выходящее изъ рядовъ. Если гг. Лавровы и ихъ окружающіе пытаются раздавить даже меня заподозриваньями, ложными обвиненіями, бранью и т. п., то что же они дѣлаютъ съ тѣми кто послабѣе, кого они могутъ дѣйствительно застращивать ежедневно, ежеминутно по всѣмъ вопросамъ мысли и жизни? При такой системѣ взаимнаго отупленія умы неизбѣжно становятся трусливы и нечестны. Люди кричатъ о мысли, развитіи и не уважаютъ ни того, ни другаго; кричатъ противъ *гоненій*, и сами гонятъ сколько хватаетъ силы; кричатъ противъ насилія, и сами убиваютъ, мало того — хотятъ силой принудить цѣлые народы жить такъ, а не иначе... Гдѣ во всемъ этомъ „впередъ", гдѣ свѣтъ передовой роли? Развѣ состояніе ума, совмѣщающаго такія вопіющія противорѣчія, есть состояніе *высшаго* развитія. Развѣ этотъ типъ ума не ниже того что уже и теперь среди насъ, людей обыкновенныхъ, не несущихъ свѣточей, считается умомъ развитымъ?

Но можетъ-быть скажутъ, сами идеи для тор-

жества которыхъ революціонеры понижаютъ свою совѣсть и умъ, — сами идеи, можетъ-быть, такъ высоки? Подумайте однако только, что для осуществленія этихъ идей, гг. Лавровы должны сначало воспитать *на свой ладъ* по крайней мѣрѣ значительное меньшинство человѣчества, то-есть во всей этой массѣ людей, какъ и усебя, остановить работу мысли и совѣсти. Хорошъ былъ бы новый строй! Идеи развивающіяся на *такой* практикѣ, какую мы видимъ въ „передовыхъ рядахъ" волей-неволей ведутъ не *впередъ*, а очень далеко *назадъ*.

Какъ на небольшой примѣръ этого, пусть Лавровъ броситъ хоть сейчасъ взглядъ на свой лагерь. Въ настоящемъ случаѣ эмигранты собрали всѣ свои силы для парализованія моего „вреднаго" вліянія. Что же они доказали? Что опровергли? Я подробно обрисовывалъ принижающее дѣйствіе терроризма: мнѣ не сдѣлано ни одного сколько-нибудь серіознаго возраженія. Я обращалъ вниманіе всѣхъ, самихъ революціонеровъ, на фантазерское состояніе ихъ умовъ. Лавровъ ограничивается отвѣтомъ, что

обвиненіе будто бы „голословно". Но вѣдь, не говоря уже о приведенныхъ у меня соображеніяхъ, обвиненіе это вовсе не составляетъ моего открытія. Неужели Лавровъ только перелистывалъ Тэна, у котораго такое состояніе умовъ прослѣжено на одномъ изъ крупнѣйшихъ историческихъ моментовъ? Пусть прочитаетъ онъ, напримѣръ, соціальные романы Рони, изучавшаго французскую революціонную среду... Нѣтъ, теперь уже нельзя отдѣлываться простымъ возраженіемъ „это голословно". Это показываетъ только что возражающій не знаетъ фактовъ, или не думаетъ о нихъ.

Далѣе я, напримѣръ, указывалъ на неопредѣленность самаго понятія о *революціи* у моихъ оппонентовъ. Лавровъ въ отвѣтъ наговорилъ дѣйствительно много, но вызываю кого угодно понять, считаетъ ли онъ процессъ революціонный процессомъ измѣненія типа, или просто насильственнымъ переворотомъ, или, наконецъ, какою-то неясною для него самого болѣзнью? Какъ же спорить, какъ разсуждать, оставляя въ туманѣ основныя свои понятія? Что получается въ головахъ учениковъ Лав-

рова, считающихъ долгомъ согласиться съ нимъ, но очевидно не обладающихъ даромъ понимать того, въ чемъ нѣтъ смысла? Оставляя безъ выясненія основанія спора, мой оппонентъ вмѣсто того ушелъ въ безконечныя второстепенности, чисто механически слѣдуя за мною и повторяя: „нѣтъ не такъ", „нѣтъ вы сами такой". Неужели эта работа свѣжей, передовой, творящей мысли?

Этой мысли не вижу я—серіозно говорю, не какъ противникъ, а какъ читатель, не вижу и тамъ гдѣ Лавровъ дѣлаетъ уже дѣйствительныя возраженія. Вотъ, напримѣръ, мѣсто о парламентаризмѣ (составляющемъ нынче предметъ желаній учениковъ Лаврова, если не его самого). „Л. А. Тихомировъ, опираясь на то что сравнительно съ задачами соціалистическаго строя (?) парламентаризмъ оказывается „въ высшей степени неудовлетворительнымъ" (это онъ цитируетъ мою фразу)—находитъ возможнымъ порицать его и сравнительно съ формами самодержавія" (стр. 26). Что за жалкое возраженіе!

На самомъ дѣлѣ я ни на что подобное не опирался. Никакихъ сравненій соціализма и парламентаризма не дѣлалъ и даже нахожу, что это было бы нѣчто въ родѣ сравненія треугольника съ колокольнымъ звономъ. Я просто, съ точки зрѣнія обыкновенныхъ правительственныхъ задачъ, сказалъ что парламентаризмъ, имѣя нѣкоторыя другія достоинства, никуда не годится какъ *система государственнаго управленія.* Я это говорилъ о парламентаризмѣ демократическомъ и повторяю это. Для меня странно, какъ это г. Лавровъ, живя 20 лѣтъ въ парламентарныхъ странахъ, не видитъ безчисленныхъ недостатковъ этой политической системы всеобщаго безсилія, вносящей въ политику торгашескій принципъ свободной конкурренціи, дѣлающей власть предметомъ спекуляціи и кончающей правительственною анархіей. Лаврову кажется возможнымъ критиковать парламентаризмъ только по сравненію съ „соціалистическимъ строемъ“. Пусть онъ перечтетъ XV главу III книги *Contrat Social* Руссо (des députes ou représentants), и онъ увидитъ, что чистѣйшіе демократы, не имѣвшіе понятія о „соціалистическомъ

строѣ", издавна могли считать систему представительства никуда не годною. Парламентарная практика XIX вѣка, не прибавивъ ничего въ пользу этой системы, показала еще рельефнѣе ея недостатки. А Лавровъ словно „проспалъ" всю эту работу мысли столѣтія.

Всѣ свои силы противъ меня онъ развертываетъ по вопросу о *самодержавіи* (стр. 21—25). Аргументація его такова. Пережитые фазисы не повторяются снова въ организмѣ соціологическомъ, какъ и біологическомъ. „Единоличная власть не подчиненная закону" — есть фазисъ пережитой. Она могла существовать нормально лишь въ первобытныя эпохи. Съ тѣхъ поръ какъ націи слились сколько-нибудь внутренне, является идея безличнаго закона, и самодержавіе начинаетъ „фатально" падать. Лавровъ знаетъ прекрасно, что народы и послѣ Нумы Помпилія прибѣгали къ самодержавію для спасенія себя отъ олигархіи, эксплуатировавшей римскую республику, отъ феодаловъ Среднихъ Вѣковъ и вплоть до нашихъ временъ (стр. 23). „Идея самодержавія, говоритъ онъ самъ, *какъ будто* переживала

возрожденіе" (ib.). Мало того, онъ знаетъ что она переживала такія эпохи именно для того, чтобы совершить реформы, которыя бы лучше позволили фукціонировать законности (ib.). И тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, будто бы самодержавіе все время падало и падало. Это значитъ, что идея Лаврова есть правило, а вся исторія — исключеніе! Но чѣмъ же выражается „паденіе"? Дѣло, видите ли, въ томъ что возрожденіе только *кажущееся*, такъ какъ жизнь вкладывала *въ старую форму новое содержаніе*. Или Лавровъ полагаетъ, что въ возрождающіяся время отъ времени старыя республиканскія формы жизнь не вкладываетъ новаго содержанія? Признавая великую историческую роль самодержавія, онъ именно въ ней видитъ причину будущаго его паденія, такъ какъ совершая реформы и осуществляя законность, самодержавіе будто бы становится во внутреннее противорѣчіе и все больше падаетъ... Наконецъ, дѣло доходитъ до появленія соціализма, и тутъ уже — ручается намъ революціонный философъ — никакое новое „возрожденіе" стало невозможно. „Здѣсь возможною политическою формой является лишь крайняя демократія, кото-

рая *устранила бы и нынѣшній парламентаризмъ и нынѣшнія государственныя и юридическія формы*" (стр. 24).

Печально видѣть эти жалкія фразы у сѣдовласаго „ученаго". Но разберемъ по порядку. Прежде всего невѣрно, будто бы типъ настоящаго самодержца нужно искать чуть не въ доисторическія эпохи обычая. Неужели Рюрикъ болѣе самодержецъ, чѣмъ Петръ Великій? Неужели точныя *знанія* подсказываютъ Лаврову такія историческія концепціи? Неточность опредѣленія самодержавія, смѣшеніе его съ деспотизмомъ, противуположеніе самодержавія и законности—составляютъ дальнѣйшія основы аргументаціи Лаврова. Но тутъ нѣтъ ни одного слова вѣрнаго. Кто же не знаетъ, что на самомъ дѣлѣ къ *деспотизму* способна *всякая* форма власти, будь она монархическая, аристократическая или демократическая? Точно также *законность* составляетъ одинаково необходимый элементъ при всѣхъ формахъ власти. Различіе между ними нисколько не въ уваженіи къ закону, не въ силѣ закона, а лишь въ томъ, что каждая изъ нихъ своеоб-

разно создаетъ *источникъ закона*. При всѣхъ формахъ власти закону подчиняются *всѣ*, за исключеніемъ самого источника власти въ моментъ его функціонированія.

Такимъ образомъ, критика Лаврова держится цѣликомъ на спутываніи понятій. Сюда же приходится отнести и не точное и не ясное воззрѣніе на единоличную власть, какъ будто бы на *фазисъ* развитія идеи власти. На самомъ дѣлѣ власть имѣетъ нѣсколько основныхъ *формъ*, которыя всѣ эволюирують, борятся между собою, смѣщаютъ одна другую, причемъ вообще основныя формы въ соціологіи (какъ и въ біологіи) не погибаютъ, а отживаютъ лишь извѣстные фазисы ихъ. Единоличная власть есть не „фазисъ", а именно одна изъ этихъ основныхъ формъ и какъ всѣ остальныя имѣетъ свои „фазисы". Совершенно вѣрно, что нѣкоторые ея фазисы отживаютъ, но за то вмѣсто ихъ появляются новые. Я давно не слыхалъ ничего страннѣе, какъ „возраженіе" относительно новаго содержанія единоличной власти. Но вѣдь это не возраженіе противъ, это доводъ *въ пользу* самодержавія!

Вѣдь жизненность учрежденія именно измѣряется его способностью приспособляться къ условіямъ и функціонировать съ новою силой среди измѣнившихся обстоятельствъ. Если же, по самому Лаврову, вся исторія человѣчества, съ начала до нашихъ дней, представляетъ безпрерывныя „возрожденія" самодержавія, приспособляющагося къ новымъ условіямъ и являющагося силой каждый разъ прогрессивною,—то на какомъ основаніи думать что эта форма отжившая?

Если прошлое позволяетъ заключать о будущемъ, то не слѣдуетъ ли думать напротивъ, что народы и теперь прибѣгнутъ къ самодержавію для рѣшенія новыхъ вопросовъ своей жизни?

Остается стало быть только послѣдняя карта—„несовмѣстимость съ идеалами соціализма". Лавровъ очень счастливъ, если понимаетъ хоть самъ свою фразу объ „идеалахъ соціализма", но, во всякомъ случаѣ, очевидно что идеалы соціализма, каковы они рисуются Лаврову, несовмѣстимы, какъ онъ самъ объ-

ясняетъ, не съ однимъ самодержавіемъ, а со всѣми нынѣшними государственными и юридическими формами. Стало-быть и съ этой точки зрѣнія самодержавіе „отжило" не больше чѣмъ парламентаризмъ или самая „передовая" федеративная республика...

Что жь доказалъ Лавровъ даже на этомъ пунктѣ, гдѣ онъ даетъ мнѣ генеральное сраженіе? То ли что хотѣлъ? Нѣтъ. Онъ хотѣлъ ниспровергать самодержавіе, а сказалъ только, что его должны отрицать тѣ, кто *вообще* отрицаетъ государство. Ну, а тѣ, кто государства не отрицаетъ? Для тѣхъ аргументація Лаврова говоритъ только въ *пользу* самодержавія. Этого ли онъ хотѣлъ достигнуть?

И вотъ люди, пророки которыхъ обнаруживаетъ *такую* логику и *такое* умѣнье понимать исторію,—воображаютъ, будто за нихъ какая то „наука", „разумъ"!..

Я бы отстаивалъ свое нравственное право думать, еслибы даже вступилъ въ противорѣчіе съ дѣйствительно передовою мыслью чело-

вѣчества. Но въ данномъ случаѣ такого несчастія со мной не произошло. Я вступилъ въ противорѣчіе со слоемъ и міросозерцаніемъ, у которыхъ много только самохвальства и самомнѣнія, и больше ничего. Отойдя отъ нихъ, я подвинулся не назадъ, а впередъ, съ точки зрѣнія зрѣлости мысли, правды, пользы для страны. Для меня это давно уже ясно, но послѣ періода эмигрантской полемики станетъ, можетъ быть, болѣе ясно и для другихъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ кто способенъ оцѣнивать видѣнное и слышанное. Мнѣ хотѣлось бы думать, что реальная оцѣнка мнѣній и фактовъ послѣ этого привлечетъ къ себѣ большее вниманіе и самихъ революціонеровъ, которымъ стоитъ только прогнать туманъ софизмовъ и общихъ мѣстъ, чтобы понять, какъ вся ихъ дѣятельность не достойна трезваго, взрослаго человѣка.

Неужели не настало еще время для этого?

Какъ бы то ни было—для меня оно настало. Оно настало именно потому, что я думалъ, учился, старался воспользоваться работой мы-

сли передовыхъ странъ, и я остаюсь при убѣжденіи, что большинство меня порицающихъ поступили бы такъ же какъ я, еслибы захотѣли также учиться, думать и наблюдать.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Начало и конецъ. Москва, Университетская тип. 1890 г.

Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. Москва, Университетская тип. 1893 г. Изд. 2-е. Ц. 20 коп.

Борьба вѣка. Москва, Университетская тип. 1895 г. Ц. 40 коп.

Конституціоналистъ въ эпоху 1881 года. 3-е изданіе. Москва. 1895 г. Ц. 40 коп.

Цѣна **40** коп.

